

Библиотека Российской академии наук

В.П. ЛЕОНОВ

**НЕЙРОКНИГОВЕДЕНИЕ:
ОПЫТ КОГНИТИВНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Санкт-Петербург
2023

УДК 02
ББК Ч73я44+Ч75я44+Ч23я44
Л47

Рецензенты

доктор педагогических наук, профессор В.А. Бородина
доктор философских наук Т.Б. Маркова

Леонов В.П.

Л47

Нейрокниговедение: опыт когнитивного исследования / В.П. Леонов ; Библиотека РАН. — Санкт-Петербург : БАН, 2023. — 80 с.

ISBN 978-5-336-00305-5

В издании рассматривается современный подход к пониманию сущности книговедения и дается его оценка. Показывается важность новой постановки вопроса: изучать книгу в соединении средств нейронаук и гуманитарного знания. Обосновывается концепция нейрокниговедения — междисциплинарного научного направления на стыке книговедения и теории когнитивных процессов. Предлагается создание аналитического центра для изучения проблем нейрокниговедения.

Для специалистов гуманитарных дисциплин, библиографов, библиотекovedов, книговедов, а также студентов, аспирантов — будущих исследователей книжного дела.

ISBN 978-5-336-00305-5

© Леонов В.П., 2023
© Библиотека Российской академии наук, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Книга как врожденная программа человека	9
Глава 2. Книговедение в поисках смыслов: книга как внешний когнитом?.....	18
Глава 3. Книга и музыка как внешний когнитом и вид познания	26
Глава 4. О нейробиологии чтения и «книге мозга»	34
Глава 5. Нейрофилософия и нейрокниговедение: проблемы на стыке наук	41
Глава 6. О междисциплинарности книговедения: от Библиологоса к Нейрокниговедению	48
Глава 7. Нейрокниговедение как междисциплинарное научное направление изучения книги и когнитивных процессов	55
Вместо заключения	62
<i>Приложение</i>	
1. Комментарий к статье «Книги» в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки»	64
2. Статья «Книги» в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки»	66
Именной указатель	78

*Мы не летаем, мы поднимаемся
только на те башни,
какие сами можем построить.*

О.Э. Мандельштам. «Утро акмеизма»*

---

* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2 Москва : Прогресс-Плеяда, 2010.
С. 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый во Вселенной рождается со своей нейронной сетью. Затем на этой нейронной сети пишется текст нашей жизни. Удивительно, но книга устроена по аналогии с мозгом, т.е. это гиперсеть. Она представляет собой не только субъективное путешествие с нашим опытом и памятью, но и форму рефлектирующего познания – бесконечного философского познания истины. Если рассматривать книгу как индивидуальный опыт, который сформировал наш мозг и настроил его, то и изучать ее надо обособленно. Каждая книга формирует свой мир. Мир – это книга!

В настоящем издании получают развитие проблемы книговедения, изложенные в вышедшем ранее сборнике «Избранное»¹.

Цель работы – попытка обосновать концепцию нейрокниговедения как разновидности междисциплинарных когнитивных исследований.

По нашему определению, нейрокниговедение – междисциплинарное научное направление, лежащее на стыке нейронауки и книговедения. Его сверхзадача состоит в изучении и понимании механизма связи феномена книги с когнитивными процессами.

В основу нейрокниговедения положена концепция академика РАН К.В. Анохина, рассматривающего книгу как внешний когнитом². Книга как внешний когнитом несет элементы нашего Я, которые возникают в результате его рождения и соотношения с окружающим миром³.

Структура издания состоит из семи глав. В каждой из них раскрываются обозначенные в заглавии проблемы. В совокупности они позволяют обосновать междисциплинарный когнитивный подход к изучению нейрокниговедения.

Примечания

¹ Леонов В.П. Избранное / В.П. Леонов; Библиотека РАН. Санкт-Петербург : БАН. 2021. С. 9–43.

² Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

³ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83.

Глава 1. Книга как врожденная программа человека

Книга – продукт человеческой психики и природа ее психическая.

М.Н. Куфаев¹

В современном книговедении традиционно сложилось представление о том, что сущность книги может быть объяснена через эволюцию – путем выяснения ее происхождения. Суть эволюционной точки зрения (каково происхождение книги?) – в предположении, что происхождение объясняет все и составляет основу любой мыслительной деятельности ученого-книговеда. Нестандартные вопросы, например: «зачем человеку нужна книга?», «какова ее природа?», «сохранится ли книга как идея?», как правило, остаются на периферии². Понимание происхождения книги неизбежно ведет в глубину, к проблеме изучения роли человека как субъекта познания. Чтобы человек смог выполнять свое назначение в этом мире, ему нужна *адекватная среда обитания*. С моей точки зрения, дальнейшим развитием темы «книга как космический субъект» может быть проблема **«книга как врожденная программа человека»**³. Начальные аспекты ее таковы:

1. Современный человек появился уже с *речью*. Это чудо, которое до сих пор непонятно. Как возникла речь? Интересное мнение высказал новозеландский профессор Майкл Корбаллис (1936–2021) из Оклендского университета, выступая в 2019 г. на международной конференции «Нейробиология языка и речи» в Санкт-Петербургском университете. Речь, полагает он, развилась из необходимости в переводе достаточно сложной информации, причем сначала на уровне обмена жестами. Лишь потом, когда передние конечности оказались заняты орудием труда, движения рук стали соединяться с голосовыми сигналами, которые постепенно превратились в главное средство общения.

Приведу фрагменты выступления М. Корбаллиса: *«Мне представляется картина, более близкая к теории эволюции: язык появился постепенно, не от голосовых сигналов, а от жестов; и развивался он, поскольку нам нужно было передавать информацию не только о существующем вокруг нас, но и о несуществующем... при жестовом языке в мозге задействованы те же области, что и при обычном говорении... жесты постепенно “сместились” в области рта,*

высвобождая руки, а поскольку артикуляция не видна издали, она дополнялась голосовыми сигналами»⁴.

Когда возникла речь, обучение пошло стремительно. Началась небиологическая эволюция. «Человек разумный» остановил естественный отбор. Раньше, видимо, у кого гены были лучше, тот и побеждал. А теперь ситуация изменилась: у кого знания лучше, тот и побеждает. Знание же не передается генетическим путем. Узнать и понять человек все должен сам.

2. Появление письменности как записи речи – тоже очередная загадка человека. Для того чтобы создать письменность, необходимо понимать, что она представляет собой и для чего она нужна. Текст являет слово, а не конкретный мир, который он отражает. Говоря иначе, он обращен не к видимому, а к слышимому. Написанное закрепляет звук, а не форму. Текст, таким образом, становится зеркалом, может и кривым, но единственным, поскольку выражает мысль автора. Это свидетельствует о том, что письменность создавалась, когда уже было понятно кому-то, для чего она может служить, то есть уже сформировалось понимание ценности информации – не просто любой устной, а именно записанной кем-то и на каком-то материале, который может быть сохранен длительное время⁵.

Я разделяю точку зрения исследователей, которые считают, что идея изобретения письменности не принадлежит человеку. Письменность, неважно какая, иероглифическая или буквенная, была изобретена кем-то и показана человеку. Чтобы письменность вошла в культуру как необходимая и важная ее составляющая, нужно было объяснить, каким образом можно с помощью знаков записывать речь говорящего человека и собственные мысли. Другими словами, *чтобы обучать, вначале надо показать*. Важно было также объяснить, что записи не меняют своего содержания, в отличие от памяти человека, и способны хранить любую информацию, которую можно отобразить в виде письма. Письменность (когда она уже изобретена и существует) в случае необходимости легко может быть заимствована любыми группами людей, с ней не знакомыми. Дух, выраженный в тексте, освобождается буквой. Он «обрушивает» все опасности свободы на неграмотную, только начинающую учиться мыслить группу людей. Ведь дети обучаются читать и писать во всем мире одинаково легко, вне зависимости от того, к какой культуре они принадлежат – к письменной или бесписьменной. Этот факт также вызывает вопрос.

Не ясно, почему народы, у которых никогда не было письменности, обучаются ей так же, как и те народы, которые последние несколько тысяч лет владеют письменностью? А может, существовал некогда *один центр*, владевший письменностью, но ее не изобретавший, и от него произошли все современные языки и виды письменности?

Но тогда также непонятно, почему большинство народов так никогда и не переоткрыли для себя письменность, которой некогда, в далеком прошлом, владели их предки, и при этом продолжают легко обучаться, когда с ней сталкиваются (речь идет о детях).

3. Возникновение книги как врожденной программы человека, по моему мнению, предусмотрено природой. Прислушаемся к К. Юнгу:

«Неродившееся произведение в душе художника – это стихийная сила, которая прокладывает себе путь либо тиранически и насильственно, либо с той неподражаемой хитростью, с какой умеет достигать своих целей природа, не заботясь о личном благе или горе человека – носителя творческого начала. Творчество живет и процветает в человеке, как дерево в почве, из которого оно забирает нужные ему соки. Нам поэтому неплохо было бы представлять себе процесс творческого созидания наподобие некоего произрастающего в душе человека живого существа»⁶.

Книга в человеке представляет собой носитель внеучного (живого) знания⁷. Видимо, так понимал ее природу и Н.А. Рубакин (1862–1946) – основоположник библиопсихологии, определявший ее как «психологию книжного дела, изучаемого по реакциям, т.е. внешним проявлениям». «Некоторые явления в области психологии книжного дела, – утверждал он, – могут быть поняты не иначе, как путем психологического изучения музыки...»⁸

«Живая» книга ближе к душе. Особенность ее восприятия проявляется в том, что психологического эффекта она достигает непсихологическими методами. Однако анализ классических психологических трудов отечественных ученых (Л.С. Выготский, Б.М. Теплов), по мнению А.Н. Леонтьева, позволяет сделать вывод, что до настоящего времени вопрос о психологическом эффекте непсихологических методов не получил достаточного освещения⁹.

Новые теоретические построения обладают волшебной силой. Они или раздражают, или захватывают целиком. Таковыми мне представляются работы В.П. Зинченко¹⁰. Автор стимулирует в них новые поиски сущности книги как объекта психологической науки. Например:

– в сознании исследователя должна открываться как новое знание только та реальность, которая сознанию заранее известна;

– накопив опыт подтверждения своих догадок (путем постижения «живого» знания) сознание строит свой собственный мир и конструирует смыслы по своим заранее выработанным критериям; причем сам процесс обоснования оказывается важнее, чем никогда не достижимая обоснованность;

– «живое» знание – это некий текст, которому приписывается авторский смысл.

Одна из задач книговедения состоит в том, чтобы прочитать и постигнуть смысл происходящего и представить «живое» знание (новый текст) как книгу.

4. Формулировка концепции книги как космического субъекта, где предполагается обращение к современным достижениям психологии, представляет собой сверхзадачу, которую пока можно решать скорее при помощи иллюстративных примеров, чем путем приведения убедительных доказательств. Поскольку *сходство «книги как врожденной программы человека» и отчужденной от человека книги **ненаглядно***, его нужно устанавливать. Как и с помощью чего? Прежде всего, искусства и науки. Искусство представляет книгу как целостный образ:

*Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.*

О.Э. Мандельштам «К немецкой речи» (1932)

Наука представляет книгу как модель (кодекс), как результат действия. Получается, что один и тот же предмет описывается с помощью разных языков, которые не просто переводятся с одного на другой. Отправной точкой является книга как внешняя форма, родившаяся внутри. Для сравнения:

*Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!*

О.Э. Мандельштам «Silentium» (1910)

Над всем этим имеет смысл подумать, чтобы лучше понимать психологические аспекты взаимоотношений науки и искусства.

Одну из таких психологических проблем сформулировал А.С. Пушкин. Он сказал, что в искусстве, в отличие от науки, нет прогресса. «Его действительно нет, – пишет поэт А. Кушнер, – в том смысле, что некоторые великие открытия и достижения так естественны, так скромны в своей гениальности, что происходят почти незамеченными, остаются для нас... за семью печатями»¹¹.

Попытку выделить различия между искусством и наукой, а также определить общие черты предпринял исследователь С. Уилсон в статье «Искусство и наука как культурные действия». Приведу логику его рассуждений¹².

Различия между искусством и наукой:

Искусство	Наука
Цель – эстетическое переживание	Цель – знание и понимание
Эмоции и интуиция	Рассудок
Визуальная или звуковая коммуникация	Повествовательная текстовая коммуникация
Вызывает ассоциации	Объясняет
Уникальность	Нормативность
Ценностью является отрыв от традиции	Ценностью является систематическое продолжение традиции и соответствие стандартам

Общие черты искусства и науки:

- Ценностью для обоих является внимательное наблюдение за своей средой и сбор информации, доступной чувствам.
- Ценностью для обоих является творчество.
- Предполагают изменение, инновации, улучшение существующего.
- Используют абстрактные модели постижения окружающего мира.
- Стремятся создавать произведения, имеющие универсальное значение.

Вывод С. Уилсона о перспективах взаимоотношений искусства и науки не внушает оптимизма: *«Стремительная поступь науки в промышленный век, – пишет он, – есть часть того движения, что убивает надежды на бессмертие искусства. Раньше считалось, что время и пространство не властны над шедевром. В наше время эта традиция постепенно уходит в прошлое... С продвижением науки вперед они могут утратить свою значительность и степень воздействия...»*. *«Вместе с тем, – подчеркивает автор, – ...сегодняшний день – чрезвычайно интересное время для искусства. Связь искусства и новых исследований может ускорить процесс переосмысления идей “бессмертного” искусства. Возможно, нам понадобится наделить слово “шедевр” новым значением... Как у научных вех, как у Галилеева нового образа Вселенной, бессмертие этих произведений – в их дерзости, пусть даже новые горизонты, которые они открывают, со временем станут банальностью»*¹³.

5. Из всего сказанного следует вывод, что в современном книговедении представляет интерес взгляд на эволюцию книги, при котором главную роль играет не происхождение, а *функциональное взаимодействие* в среде обитания. Новое должно вписываться в старое как в среду обитания. Поэтому сохранение старого есть

условие существования нового¹⁴. Человеку как космическому субъекту нужна адекватная среда обитания. Книга трансформировала среду человека, и человек приспособился к ней. Отсюда то, что будет потом, не может определять прошлое: «...ибо нельзя последующее знать на основании предшествующего, для которого нет первичного...»¹⁵.

6. Теория библиографии в целом должна отдавать себе отчет в том, что то, чем она занимается, постоянно выходит за пределы библиографии как совокупности письменно фиксируемых текстов. Библиографоведение, таким образом, заведомо предполагает выход за пределы объекта.

Библиография – искусство малой формы. Можно, вероятно, так сформулировать внутренний закон библиографического искусства: сжатость словесного пространства при неограниченной емкости воплощенного в нем содержания.

Библиограф ни на чьей стороне (автора, читателя). Он изобретает средства для разгадывания смысла текстов, а смысл нужно найти, его нельзя дать. (Ср.: «Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу». А.С. Пушкин).

7. Следующий важный аспект проблемы «книга как врожденная программа человека» связан с понятием **книжности**¹⁶. Я понимаю книжность двояко: 1) как совокупность способностей человека, необходимых для занятий книжной деятельностью и 2) как единство эмоциональной и интеллектуальной отзывчивости на книгу и чтение.

По аналогии с *музыкальностью*¹⁷ книжность определяется врожденными индивидуальными задатками, но эти задатки есть результат развития, воспитания и обучения. Книжные способности «отыскиваются» в ходе психологического анализа чтения, поскольку книжность свойственна всем людям, но в различной степени.

С учетом этого различия в профессиональном плане условно можно выделить *книжность библиографическую* и *книжность библиофильскую*. Основной признак, объединяющий их, – переживание книги как выражение некоторого содержания. Библиограф за описаниями книг видит реальные издания, представляет их смысл, стиль, форму, связи. Для окружающих он – «живой» каталог, в котором происходит дифференцированное восприятие книжного текста. Такое впечатление, по воспоминаниям современников, производили флорентийский библиотекарь А. Мальябекки (1633–1714), библиотекарь Румянцевского музея Н.Ф. Федоров. Такого человека изобразил С. Цвейг в новелле «Мендель-букинист»¹⁸.

Таким образом, понятие книжности есть проблема качественная, а не количественная. Следовательно, это и проблема психологическая, включающая в себя способность эстетически переживать наслаждение книгой. Тогда при изучении феномена книжности того или

иного человека уже научный интерес представляет вопрос о том, какова его книжность и каковы должны быть пути ее развития. За поисками возможных ответов необходимо обратиться к опыту изучения книжности библиофильской. С этой целью я отобрал для читателя наиболее интересные, с моей точки зрения, издания¹⁹.

Пересказать их невозможно, надо прочитать самому. Общую идею, проходящую лейтмотивом через все эти удивительно интересные и непохожие друг на друга рассуждения, можно сформулировать следующим образом: *книга и чтение меняют строй души человека. Книжность выступает как хранительница высших смыслов мировой культуры, постижение которых является искусством.*

Примечания

¹ Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / [сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. А.А. Гречихин]. Москва : Наука, 2004. С. 65. (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика / РАН, Науч. совет «История мировой культуры», Комис. по истории кн. культуры и комплекс. изучению кн. [и др.]).

² Один из исчерпывающих ответов на нестандартные вопросы о книге принадлежит М.Н. Куфаеву (1888–1948): «Идея книги – в воле человека, владеющего словом, к проявлению себя в соборном человечестве, в стремлении личности к легкому и свободному, полному и прочному выявлению себя в обществе, в “окрылении” слова...» (курсив автора) (Куфаев М.Н. Проблемы философии книги... С. 68).

³ Подр. см. об этом: Леонов В.П. Книга как космический субъект: постановка проблемы // Библиотекословедение. 2006. № 6. С. 18–21; Он же. Книгата като космически субект: постановка на проблема // Трудове на Специализираното висше училище по библиотекознание и информационни технологии. 2006. Т. 5. С. 295–302; Он же. Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе // Грани книжной культуры : сб. науч. трудов к юбилею Науч. центра истории книжной культуры. Москва, 2007. С. 143–160.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 3 сент.; Corballis M.C. From hand to mouth: the origins of language. Princeton : Princeton University Press, 2003. 272 p.

⁵ «Явление письма не есть подчинение духа букве, но замена буквы почвой. Дух свободен в букве, но прикован к корню» [Levinas E. Difficile liberte: essais sur le judaisme. 3 ed. rev. et corrig. Paris : Albin Michel, 1976. P. 183].

⁶ Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К.Г. Собр. соч. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. Москва : Ренессанс, 1992. С. 108.

⁷ Зинченко В.П. Знание живое // Большой психологический словарь. Санкт-Петербург ; Москва, 2003. С. 177–178.

⁸ Рубакин Н.А. Библиологическая психология. Москва : Акад. проект : Трикста, 2006. С. 42, 49.

⁹ *«Психологи до сих пор не имеют архитектурного проекта для строительства своих сооружений, хотя и собрали груды первоклассного строительного материала»* (Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии: президентская речь, произнесенная при открытии XVIII Междунар. психол. конгресса, Москва, 4 авг. 1966 г. // *Вопр. философии*. 1966. № 12. С. 48–56).

¹⁰ Зинченко В.П. Проблемы психологии развития: (читая Мандельштама) // *Вопр. психологии*. 1991. № 4; № 5; № 6; 1992. № 3/4; № 5/6; Он же. Возможна ли поэтическая антропология? / *Рос. открытый ун-т*. Москва : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994; Он же. Работа понимания // *Психол. наука и образование*. 1997. № 3. С. 42–52; Он же. Знание живое // *Большой психологический словарь*. Санкт-Петербург ; Москва, 2003. С. 177–178.

¹¹ Кушнер А. Вперед, к Грибоедову! Новые заметки на полях // *Вопр. литературы*. 2010. Июль-август. С. 445.

¹² Уилсон С. Искусство и наука как культурные действия // *Логос*. 2006. № 4 (55). С. 112–126.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Подр. см.: Заварзин Г.А. Составляет ли эволюция смысл биологии? // *Вестн. РАН*. 2006. Т. 76, № 6. С. 522–534.

¹⁵ Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с греч. Москва : Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 184.

¹⁶ См. также об этом материалы «круглого стола» *«Книжность как феномен культуры»*, опубликованные в журнале *«Вопросы философии»* (1994. № 7/8. С. 3–36).

¹⁷ См.: Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей // *Избр. тр.*: В 2-х т. Т. 1. Москва, 1985. С. 53–63.

¹⁸ Подр. см.: Моргенштерн И.Г. Занимательная библиография / И.Г. Моргенштерн, Б.Т. Уткин. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1987. С. 62–65; Леонов В.П. Библиография как профессия. Москва, 2005. С. 77–79; Цвейг С. Мендель-букинист // Цвейг С. Новеллы: пер. с нем. Челябинск, 1978. С. 402–403.

¹⁹ См., напр.: Дибдин Т.Ф. Библиомания / пер. с англ., предисл. и примеч. Л.Г. Климанова // *Книга: Исслед. и материалы* : сб. Москва, 1980. Т. 41. С. 161–196; Климанов Л.Г. Феномен библиофильства / Л.Г. Климанов, М.Т. Петров // *Книга: Исслед. и материалы* : сб. Москва, 1983. Т. 46. С. 155–169; Barker N. Sir Paul Getty : portrait of a Bibliophile. London : Maggs Bros. Ltd., 2003. 32 p.; Gerits A. Books, Friends and Bibliophilia: reminiscences of Antiquarian Booksellers.

New Castle, Delaware: Oak Knoll Press, 2004. 402 p.; Jackson H. The Anatomy of Bibliomania. London: Faber and Faber Ltd., 1950. 668 p.; Kraus H.P. A Rare Book Saga: the autobiography of H.P. Kraus. New York : G.P. Putnam's Sons, 1978. 386 p.; Markham S. A Book of Booksellers: conversations with the Antiquarian Book Trade, 1991–2003. London : S. Markham Rare Books, 2004. 323 p.; Stoddard R.E. A Library – keeper's Business / sel. and ed. by C.Z. Rothkopf; pref. by S. Wissmann. New Castle, Delaware : Oak Knoll Press, 2002. 480 p.

Глава 2. Книговедение в поисках смыслов: книга как внешний когнитом?

Сегодня среди книговедов-теоретиков наблюдается стремление пересмотреть устоявшиеся базовые понятия и определения книговедческих наук, найти новый взгляд на привычные суждения. Объективно это правильно, поскольку новое рождается в процессе поиска, а не механического перенесения чужого опыта.

В отличие от наук, которые формировались постепенно и во многом стихийно, развитие книговедческих дисциплин строилось на их теоретическом осмыслении без ожидания, что все они возникнут естественным путем. Невыясненным остается центральный вопрос: **является ли книговедение и его производные – библиотековедение, библиографоведение – комплексом научных дисциплин или комплексной дисциплиной?**¹

По моему мнению: комплекс, а не единая дисциплина. Было бы идеально, если бы библиотековедение, библиографоведение и книговедение «срослись» в единую комплексную дисциплину, но пока наблюдается иная тенденция – к еще более глубокому размежеванию. Об этом, в частности, свидетельствуют терминологические споры, которые разгорелись вокруг терминов «документ» и «ресурс». Вместе с тем, междисциплинарный подход имеет свои преимущества перед полидисциплинарным.

Если кратко сформулировать цель настоящей главы, то в ней рассматривается современный когнитивный подход к изучению книги. Прилагательное «когнитивный» происходит от латинского «cogniscere» – знать, узнавать, понимать. Сейчас когнитивными называют не только процессы понимания и речевого мышления, но и ряд технологических приложений.

В основу моих размышлений о книге положена концепция нейробиолога, академика РАН К.В. Анохина и его коллег по расшифровке кодов Вавилонской библиотеки мозга². Предыстория вопроса такова.

В Санкт-Петербурге в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН 26 октября 2018 г. проходил семинар «Информационный потенциал биологических объектов», где К.В. Анохин выступил с докладом «Высшая нервная деятельность и когнитивные процессы»³. Он говорил об исследовании социальных сетей мозга, в частности, о когнитоме, т.е. полной отраженной системе субъектив-

ного опыта, сформированной в организме в процессе эволюции, и о человеческом Я как уникальном когнитоме.

На мой вопрос «Можно ли рассматривать книгу как когнитом?» Константин Владимирович убедительно ответил: «Книга – это внешний когнитом» и добавил, что, исследуя книгу как внешний когнитом, как сеть, мы, с одной стороны, применяем к ней экспериментальные методы нейронауки, а с другой – движемся в сторону изучения мозга и сознания. Мозг – это орган, который подчиняется биологическим законам, но его истинная суть состоит совсем не в этом. В действительности мозг – орган когнитивный, то есть психический. А это уже совсем иная форма организации материала. Для ее понимания нужны принципы, которым не учат биолога. Сложность состоит в том, что им не учат и психолога⁴. Тем самым К.В. Анохин подчеркнул важность междисциплинарных исследований механизмов работы мозга.

Для обоснования книговедческой постановки вопроса объединение усилий представителей разных наук дает книговедению качественно новое знание. Гиперсети, когнитомы человека не могут быть изучены по аналогии с другими биологическими видами. Изучать современное книговедение нужно в соединении средств нейронаук и гуманитарного знания. Мозг не только обрабатывает информацию, он же ее и создает. Книга как внешний когнитом – один из результатов такого создания.

Здесь междисциплинарность проявляется в еще более широком плане. Предлагается объединить ресурсные возможности (знания, методы, технологии) не просто родственных наук, а, казалось бы, весьма далеких друг от друга отраслей знания. Это было бы под силу только ученому-универсалу. Например, для исследования процесса библиографического поиска мне очень не хватает знания психологии, ведь поиск есть синтез двух типов действий – внешних и внутренних⁵.

Если книга – внешний когнитом, то теория когнитивных систем становится аспектом изучения книговедения и библиографоведения, и наоборот: книговедение и библиографоведение обогащают изучение вопросов нейробиологии, мозга и разума, т.е. когнитомы.

Таким образом, книга как внешний когнитом фиксирует конstellляции (созвездия. – *В.Л.*) ментальных действий. Интересно, что, даже будучи зафиксированными, конstellляции ментальных действий обладают динамичностью (скрытая динамика)⁶, которая проявляется, когда мы читаем книгу и наш ментальный мир вступает во взаимодействие с ментальным миром автора. Текст – «графический сигнал», посланный читателю автором.

Распределенная по мозгу сеть нейронов сцеплена единым когнитивным опытом. Каждая такая сеть или одно содержащееся в памяти «произведение» нашего мозга, нашего сознания – это когнитивный

элемент. Имя ему – ког (*Cognitive Group – COG*). В совокупности коги образуют систему опыта конкретного организма, которая называется когнитом. Она представляет собой совокупность познавательных способностей мозга. Это сеть сетей или гиперсеть (материя сознания).

Любая сеть имеет определенные свойства. Она должна иметь узлы, связи, строение. Теория вводит новые понятия для этой скрытой реальности – когнитивные группы, связи этих когнитивных групп и в целом сеть. Концепция «когнитом» позволяет выявить ключевые свойства естественных нервных сетей, важные для создания искусственных сетей. Чтобы научиться этому, надо по-новому взглянуть на работу мозга⁷.

Гиперсетевая теория мозга утверждает, что максимальная действенная сила мозга не в его физиологических потенциях, а в соотношении всего организма со сложным предметным миром и затем с развивающимся миром внутренним. «Внешний мир строится внутри, а внутренний мир строится вовне, – пишет психолог В.П. Зинченко. – Едва ли следует говорить, что акты построения миров не изолированы один от другого... Живое существо не просто поворачивается к миру, а как бы выворачивает себя навстречу ему... Вот эти особые цельные образования... сохраняются во всем последующем функционировании психики»⁸.

Гигантская нейронная гиперсеть, или когнитом, и есть наше «Я», геном нашей личности. До самого последнего момента жизни когнитом растет, в нем формируются новые узлы, коги, связи, которые наполняют личность новыми впечатлениями, знаниями, воспоминаниями, ассоциациями. Когнитом – гигантский сгусток памяти. Мозг, как уже отмечалось, не только обрабатывает информацию, он ее создает. Исследуя нейронные сети и гиперсети в надежде понять смысл того, что происходит в мозгу, понять проблему сознания, мы изучаем только тело. Тело обеспечивает взаимодействие с окружающим миром. Взгляд на книгу через призму высших умений человека, искусства и языка может изменить нейронауку⁹. Внешний когнитом – пример другого взгляда...

«Внутренняя» книга, которая в нас уже «заложена», это не только сумма миллиардов нейронов и их связей. Есть еще индивидуальный опыт, который сформировал наш мозг и настроил его. Значит, и изучать его нужно иначе¹⁰.

Идею «внутренней книги» можно соотнести с психолингвистической интерпретацией концепта как достояния индивида, не обязательно вербально оформленного. Согласно этой интерпретации, концепт – «сложноорганизованное психическое образование динамической природы, интегрирующее и организующее... ментальные элементы, могущие быть вербализуемыми, в единое концептуальное целое, или

“конstellляцию”... за счет постоянного взаимодействия внешней (коллективной, культурной) и внутренней (индивидуальной) сред функционирования человеческого сознания»¹¹.

«Внутренняя» книга говорит своим языком, это не копия жизни, а отдельный мир или даже концепция мира. Внешний когнитом представляет собой ее интерпретацию, причем всегда разную и авторскую. В этом смысле такая книга отличается от интерпретации компьютерной программы. Текст знает больше автора.

Теория когнитивных систем свидетельствует, что единая и скрытая от нашего непосредственного взора и классификации реальность является, в действительности, с одной стороны, объективной реальностью, то есть разумом, а с другой стороны – результатом нервной деятельности человека.

Книга, созданная таким образом, может показать нам, как работает нейронная сеть, как она создает мир. Ее можно рассматривать по аналогии с культурной антропологией, которая судит об объектах по орудиям их труда, по артефактам.

Итак, книга (в концепции К.В. Анохина) в каждом из нас уже есть, она уже «заложена» в организме. Автор не должен ее изобретать, он должен ее лишь перевести в процессе чтения. А это очень сложная задача. Процесс чтения представляет собой заполнение разрыва между внешним когнитомом и субъективным опытом читателя. Библиографию по этой логике можно рассматривать как надстройку над книгой. Это сеть над сетью – гиперсеть.

Чтение текста – самая сложная загадка для мозга человека, самый сложный вызов по сравнению с другими способами подачи информации (аудио, видео и др.). Почему? Потому что в процессе чтения мы должны преобразовать буквенные символы в слова и только потом в образы и смыслы. Это двойная задача, ибо, когда мы слышим речь или видим картинку, мы делаем только один “шаг” для мозга.

Сказать что-нибудь новое о слове едва ли возможно. Я не собираюсь сочинять что-то оригинальное. Это попытка использовать уже хорошо известное. Но тайна слова все равно останется. Обратимся за примером к В.Б. Шкловскому:

- *мы не знаем судьбу слов, среди которых живем;*
- *слова разные; в зависимости от того, кто их приносит;*
- *они приносятся, как будто вырванные с корнями, с куском леса мысли, в котором они живут и сталкиваются;*
- *мысли и слова бывают разные, но первым приступом в голову лезут слова несовершенные, ошибочные;*
- *слово освобождает душу от тесноты;*
- *слово не живет одиноко, слово живет повторениями;*
- *искусство обновляет память человечества*¹².

Слово – понятие психологическое, а не лингвистическое. Именно слова хранятся в мозгу. Они могут быть неоднородны по свойствам и различны для разных языков. Вот характерный пример, взятый из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Это разговор Воланда с Левием Матвеем: «*Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, – отозвался Воланд, – но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются...*»¹³

Благодаря чтению как вызову для мозга и мышления создается возможность проникнуть в умы других людей. Рассказанные истории, мысли окружающих делают нашу жизнь богаче.

Есть и другие точки зрения. Глубокое, медленное и пристальное чтение, как утверждает А. Мангуэль, директор Национальной библиотеки Аргентины, довольно опасно. Почему опасно? Оно не столько отвечает на вопросы читателей, сколько задает их. С этим трудно не согласиться. Неслучайно любая власть боится тех, кто читает глубоко и пристально. Интересным представляется факт, что с XVI в. (100 лет спустя после И. Гутенберга. – В.Л.) все идеи революций принадлежали людям, увлеченным чтением¹⁴.

Сегодня ситуация не изменилась, но кардинально «перевернулась». Теперь сложное становится лишним, от него пытаются избавиться: цифровая эпоха диктует новый стиль восприятия информации. В интернете мы используем поверхностное чтение (чтение по диагонали), поскольку объем информации оказывается настолько велик, что «по дороге» к индивидууму она теряет часть своей ценности¹⁵. Вместе с тем книга как внешний когнитом бессмертна! Она включает совокупность индивидуального опыта и субъективную реальность. Поэтому бумажной книге и пристальному чтению ничего не грозит в глобальном смысле.

К недостаткам использования гипертекста исследователи относят феномен «замочной скважины», позволяющей пользователю видеть на экране лишь часть общего конструкта, что затрудняет формирование ментальной модели целого конструкта в его сознании¹⁶. В то же время гипертекст обладает функциональностью, позволяя управлять текстом, активизировать текстовые, графические и др. объекты. Индивидуальный путь читателя в потоке информации представляет собой своеобразный алгоритм, когда каждый последующий шаг предопределен предыдущим.

Понять книгу как внешний когнитом можно только в соединении средств нейронаук и гуманитарных наук: философии, психологии, социологии, лингвистики, цифровых методов гуманитарных наук (*Digital Humanities – DH*). DH – цифровые гуманитарные науки – несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук. Благодаря исследо-

ваниям сознания они покажут нам, что и где искать. Это – основа для общей теории книговедения. Присущая сознанию смыслообразующая функция книговедения строится на идее, что только вместе, сообща они образуют общую теорию, не сводимую к любым другим формам. Это не композиция частей, а неделимое объединение.

Внешний мир, как отмечено выше, строится изнутри. Еще И.-В. Гете говорил, что *«в глубинах нашей души заложена творческая сила, способная создавать то, что быть должно, и не дающая нам ни сна, ни покоя, пока оно так или иначе не будет воплощено нами вне или внутри нас»*¹⁷.

Общая теория книговедения – исследование книги как внешнего когнитома в соединении со знаниями гуманитарных наук. Ключевой, стратегической задачей для достижения новых подходов изучения книговедения является разработка методологии междисциплинарных исследований. Прорыв в развитии книговедения и библиографоведения, а также методов их изучения с использованием теории когнитивных систем может быть достигнут путем интеллектуальной кооперации профессионалов разных специальностей. Они должны выработать критерии феномена книги, которые позволяют ее исследовать разносторонне. Например, если мы используем социологический подход к изучению книги, это значит, что мы принимаем социологическую точку зрения, чтобы понять феномен книги более объективно. И наоборот: проблемы книги должны входить в сферу изучения социологии.

В качестве первого шага видится создание междисциплинарного аналитического центра, в задачи которого должны войти:

- выявление и обзор новой отечественной и зарубежной литературы по нейронауке и исследованиям сознания и книговедения;
- «точечное» отслеживание новых идей для изучения чтения с использованием цифровых методов, которые внедряются в гуманитарные науки;
- междисциплинарный библиографический анализ и обобщение значимых результатов.

Предлагается начать работу по его созданию в информационных учреждениях РАН с участием крупных библиотек России, где сосредоточены самые разнообразные ресурсы¹⁸.

В заключение еще раз подчеркну, что книга как внешний когнитом отбирает из человеческого Я (уникального когнитома) лица и объекты книговедения, высвечивает базовые понятия и определения, показывает междисциплинарные связи гуманитарных наук. Такая книга не просто обрабатывает отобранную информацию, она ее создает и дает книговедению качественно новое знание для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестн. Томского гос. педагогического ун-та. 2011. № 10. С. 193–201.

² Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга. Интервью с чл.-корр. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. 2013. № 5. С. 83–89.

³ Анохин К.В. Высшая нервная деятельность и когнитивные процессы : [докл. на Науч. семинаре «Информационный потенциал биологических объектов», посвящ. памяти академика Л.А. Орбели, Санкт-Петербург, 26 окт. 2018 г.] // Совет молодых ученых / Ин-т эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова : [официальный аккаунт на YouTube]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XapbHzUDweo&t=150s> (дата обращения: 13.07.2021).

⁴ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83.

⁵ Нещерет М.Ю. Библиографический поиск: Эволюция и современность. Санкт-Петербург : Профессия, 2010. С. 55–77.

⁶ Девяткин Д.А., Кузнецова Ю.М. Ментальные действия и предметы в пространстве научного дискурса // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. № 1. С. 60–69. URL: <https://www.academia.edu/41154748> (дата обращения: 13.07.2021).

⁷ Беленецкая О. Мыслящая гиперсеть. Интервью с академиком К.В. Анохиным // В мире науки. 2021. № 5–6.

⁸ Зинченко В.П. Живое знание. Самара : Самарский ГПУ, 1998. С. 172–173.

⁹ Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопр. философии. 2021. № 1. С. 17–26.

¹⁰ Гаврилина Е.А. [Рец.] // Человек. 2021. № 1. С. 181–188. Рец. на книгу: Дамасио А. Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. Москва : Карьера Пресс, 2018. 384 с.

¹¹ Гирнык А.В. Концепт и семантическая констелляция: взаимодействие «Частей» и «Целого» в синергетическом аспекте // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2011. № 3 (31). С. 38.

¹² Шкловский В.Б. О теории прозы. Москва : Сов. писатель, 1983. С. 3–6.

¹³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. С. 504.

¹⁴ Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. С. 31; Мангуэль А. «Любая власть боится читателей» [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/lyubaya-vlast-boitsya-chitatelej/> (дата обращения: 30.07.2018).

¹⁵ Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 4. С. 251–259; Она же. Человек и техника: амбивалентность электрон-

ной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 129–142.

¹⁶ Jakobs E.-M., Lehnen K. Hypertext. Klassifikation und Evaluation // Websprache. net. Sprache und Kommunikation im Internet. Linguistik – Impulse – Tendenzen. Berlin ; New York, 2005. Bd. 10. S. 160–161.

¹⁷ Гете И.-В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7: Годы учения Вильгельма Мейстера / пер. с нем. Н. Касаткиной. Москва : Худ. лит., 1978. С. 332.

¹⁸ Леонов В.П. О создании Междисциплинарного аналитического центра для исследования дальнего чтения и Digital Humanities // Единое цифровое пространство научных знаний: проблемы и решения: сб. науч. тр. Москва ; Берлин : Direct-Media, 2021. С. 74–81.

Глава 3. Книга и музыка как внешний когнитом и вид познания

На современном этапе развития общества научное познание подвергается значительным изменениям. Меняется роль науки в общественной жизни, меняются формы и методы оценки ее взаимоотношений с другими видами познания. Внедрение новых технологий, цифровизация информационных процессов поставили перед наукой ряд новых проблем, которые требуют переосмысления традиционных.

В самом деле, чем глубже проникает человеческая мысль в различные сферы познания действительности, тем сложнее и неисчерпаемое оказывается предмет ее исследований. Например, непредсказуемые результаты сегодня получены в изучении мозга и человеческих возможностей, в генной инженерии, в изучении влияния компьютерных технологий на нравственную и психическую природу человека и т.д. Такие же явления можно наблюдать вокруг книги и музыки как наиболее доступных источников познавательного и эмоционального обогащения человека. В истории познания неоднократно пересматривались сложившиеся о них представления.

Происходящие сегодня во многих областях социального и гуманитарного знания процессы свидетельствуют о стремлении ученых разобратся в критериях их уникальности, ценности, строгости, а также выявить сходства и различия с естественными науками.

Цель настоящей главы состоит в определении сущности и значения феномена книги и музыки в парадигме нейронауки, теории когнитивных систем и гуманитарного знания. Актуальность темы обусловлена двойным контекстом: своеобразием феномена книги, ее специфической когнитивной природой и теоретической интерпретацией музыки как внешнего когнитома или как нейронной гиперсети.

Важно сразу подчеркнуть, что оба понятия я определяю как форму философского бесконечного рефлектирующего познания мира. Рефлексия бесконечна. Философская рефлексия – это форма теоретической деятельности человека, направленная на осмысление своих действий и на понимание культуры в целом. Как форма познания она не только критическая, но и эвристическая установка, нацеленная на поиск нового знания.

Исследовательский материал по теме рассматривается не только в сфере нейронаучной теории познания книговедения, но и в рамках

изучения музыкального мышления в гуманитарных науках. Обращение к философии при осмыслении феномена книги и музыки в новых условиях является естественным в силу их принадлежности к когнитивным наукам. Для них характерен междисциплинарный подход к предмету изучения. Избранный подход исследования призван доказать бесконечность духовного смысла книги и музыки, а также безграничность их познавательной природы: соединенность двух потоков сознания, двух «Я» – субъекта творчества и читателя (слушателя). «Я» как самосознание рассматривается как понятие разума.

Благодаря взаимовлиянию этих феноменов формировались и формируются уникальные средства человеческой коммуникации. Акт коммуникации – это, прежде всего, акт культуры, и он несет в себе творческий потенциал. Книга и музыка выступают как непрерывный познавательный компонент коммуникации в диалоге человеческого общения. Другими словами, они реализуют интуитивно-образный способ интерпретации мира.

Обратимся к нашей теме. Поиски общей теории книги активно ведутся в последние годы¹. Их отличительной чертой стало привлечение внимания исследователей к проблеме сознания, соотношения сознания и функций мозга, соотношения мозговой деятельности и книги как ее результата. Суть проблемы была сформулирована еще в прошлом веке академиком И.П. Павловым: «...*каким образом материя мозга производит субъективное явление?*»²

Сегодня теоретические и экспериментальные работы в этом направлении предприняты академиком РАН К.В. Анохиным³. Для нейронаучного понимания сознания К.В. Анохин предлагает рассматривать мозг не как коннектом – нейронную сеть, а как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами. Структура когнитома, по его мнению, тождественна структуре разума, а сознание есть специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в этой нейронной гиперсети.

Рассмотрим более подробно рассуждения К.В. Анохина⁴. Биологическая эволюция не поспевает за тем, что возникает за счет культурного наследования. Это всегда сотни и тысячи лет. Эволюция не имеет вопроса «зачем?». Она всегда движется вперед, так же как и научное познание. Основная идея метафоры «Вавилонская библиотека», считает К.В. Анохин, – безграничность. Это что-то, что хранится. Наш разум может создать такое количество миров в себе, которое нельзя сосчитать. Это – бесконечность. «Возможно, – читаем у Марселя Пруста, – что есть разум, один для всех, разум, на который все мы направляем взгляд, каждый из своего тела, – как в театре, где каждый зритель смотрит из своего места на сцену, одну для всех...»⁵

Разум всегда несет какую-то идею, которую нужно объяснить. Разум вмещает все, что накоплено человеческим опытом. Субъективный же опыт человека есть продукт нервных клеток. Ни одна из существующих теорий не пытается связать и объяснить, почему сознание закономерно формируется в результате эволюции, развития и обучения.

Разум – некая надстройка над физической материей мозга. Она очень похожа на сеть огней в большом городе, сеть интернета или социальную сеть. Теория должна объяснить, как в эволюции появилась разум, т.е. сеть, в которой элементами являются элементы нашего субъективного опыта. Другими словами, как появилась сеть над сетью, гиперсеть? Гиперсеть – это и есть наше «Я», наша Вавилонская библиотека, в которой уже записан некий текст в самом широком понимании.

Каждая такая сеть или одно содержащееся в памяти «произведение» нашего мозга, нашего сознания – это когнитивный элемент. Имя ему – ког (Cognitive Group – COG). Комбинируя коги, можно воссоздать произведения Вавилонской библиотеки. В совокупности коги образуют систему опыта конкретного организма, которая называется когнитом⁶.

Когнитивные процессы могут протекать только внутри когнитивных систем. Если мы хотим понять сознание, мы должны начать с изучения структур, в которых протекают эти процессы, заключает К.В. Анохин⁷.

Содержание книги зависит от наших внутренних действий, т.е. книга дает читателю возможность заглянуть в себя (как в «зеркало»). Без книги (зеркала) читатель себя не видит, нет встречи, нет соприкосновения, человек и книга разделены. Чтение их объединяет. В результате рождается смысл. Хорошая книга, как и библиотека, всегда открывает неизвестную часть души человека. Знать можно только то, что хранится в душе.

Но в когнитивных науках не будет новых результатов, если исследователи не обратят внимания на другие направления эволюции сознания – импровизацию, интуицию⁸. Хорошая книга рождается не по правилам, ее природа сформирована по аналогии с музыкой. *«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь мелодия...»*⁹

Обратимся к другому внешнему когнитому – музыке. Музыка больше, чем вид искусства, ее исток в глубине мироздания. Накапливающиеся данные о влиянии музыки на человека заставляют задуматься об универсальных принципах организации нервной системы, которые, в том числе, обеспечивают и восприятие музыки. Исследования в этом направлении могут значительно обогатить теорию музыки.

С точки зрения академика К.В. Анохина, накапливающиеся данные о реакциях на музыку заставляют нас задуматься об универсальных принципах организации нервной системы, стоящих за восприятием

музыки. Для теории музыки исследования в этом направлении могут помочь выявить специфические предпочтения мозга, которые способствуют отбору при выборе структуры музыкальных композиций. Это также может помочь понять, как наш мозг создал специфическую «нейронную экологическую нишу для возникновения музыкальной культуры»¹⁰.

«Цель музыки – передать чувство»¹¹. Музыка и чувство стоят в одном ряду. Общеизвестно, что музыка действует на людей по-разному. Одна и та же мелодия может кого-то вдохновлять, а кого-то угнетать. Впечатления от нее не покидают нас, даже когда отзвучала последняя нота. Погружаясь в чувственный мир, мы осознаем, что встретились с чем-то прекрасным.

Смысл музыки в ней самой. Она овладевает нашими чувствами и нашим сердцем. «В зеркале звуков человеческое сердце познает себя, – утверждает немецкий писатель В.-Г. Вакенродер (1775–1798), – именно благодаря им мы научаемся чувствовать чувства»¹².

Вот пример, связанный с анализом музыкальных сочинений композиторов XVIII в. – современников В.А. Моцарта. Цитирую: «Ян, добросовестный биограф Моцарта, приписывает ему слова, будто бы неоднократно изрекавшиеся им при просмотре сочинений некоторых композиторов: “Там нет ничего”. Такое высказывание в своей простодушной прямолинейности, бесспорно утверждает, что содержание – само собой разумеющаяся предпосылка истинной музыки»¹³.

Воспользуясь метафорой, можно сказать, что музыка является книгой для чтения на языке чувств. Музыка начинается там, где кончается слово. Для меня, например, подобные чувства олицетворяет мексиканская мелодия «Bésame mucho»¹⁴. Суть моих впечатлений заключается в следующем.

Bésame mucho – одно из самых замечательных музыкальных сочинений, созданных человеком. Эту незатейливую мелодию я могу играть часами, слушать бесконечно долго в самом разнообразном исполнении. Красота ее удивительна. Я сравнивал свои впечатления от Bésame mucho, когда слышал ее не только в родной для нее Мексике, но и в других странах и на других континентах. Удивительное ощущение! Она выбирает тебя сразу, и потом ты остаешься с ней один на один...

Возможно ли смотреть на мир, на себя, на свою жизнь, свое дело через призму этой гениальной и вечной мелодии? Что это дает? Увидишь ли нечто новое, узнаешь ли знакомое, сделает ли это тебя понятней другим и какие для этого нужны слова? Мексиканская песня как гимн надежде. В ней воплощены страсть, любовь, ожидание. Мелодия эта очень личностна. Твое «я» отражается в Bésame mucho.

Ты узнаешь себя в этом образе: может быть, образ этот ты сам и создал и наделил строением и формой? Услышав ее однажды (возраст здесь не имеет значения), понимаешь, что в тебя вошло что-то новое, в твоём сознании запечатлелось то, с чем ты будешь всегда.

Bésame mucho – имя мелодии, рождающей во мне порыв и жажду познания. Мелодия – это символ, звуки – голос ее. Поэтому важно уметь слушать, дать мелодии захватить тебя целиком и перерастить в желание узнать: а что там, дальше, за горизонтом твоего видения? А потом – возможен порыв. Порыв – это ветер, движение, это загадка, уготованная человеку. Ты снова окунаешься в мелодию, и появляется блеск желаяния, легкое побуждение. Незаметное движение превращается в ожидание. От порыва уже нельзя ни избавиться, ни умерить его. Постепенно он начинает набирать силу, стремится сделать осязаемым свой полет. Там, где была раньше тишина, властвуют теперь силы движения.

Бесконечность и вечность – там, где властвует небо. Вечность – это начало начал, возможно ли ее познать и понять через свою мелодию и найденное свое слово? Именно такую «свою» мелодию, видимо, ищет каждый из нас.

Когда музыка начала отделяться от слова, осознавая свою самостоятельность? Историки утверждают, что это случилось в VI в. до н.э. в Греции и в XVI в. н.э. в новой Европе. К сожалению, от музыки Древнего мира до нас не дошло ни одной мелодии. Сохранились лишь многочисленные изображения музыкальных инструментов. *«По этой причине, – пишет Г. Чистяков, – Древняя история чем-то похожа на немой фильм. Самую немую киноленту в истории человечества. В нашем распоряжении есть фрески, рассказывающие о том, во что одевались египтяне или греки, как они танцевали, что ели и какой пользовались посудой. Сохранились их портреты и вещи... но при этом из этих эпох до нас не дошло ни одной мелодии и ни единого звука»*¹⁵.

Дискуссию исследователей вызывает также вопрос: есть ли в музыкальном произведении прошлое? По утверждению известного философа А.Ф. Лосева, «музыкальное произведение... есть сплошное настоящее», т.к. реально только настоящее и его жизнь¹⁶.

С точки зрения другого ученого – музыковеда М.Г. Арановского, в музыке прошлое всегда объясняет настоящее, именно прошлое делает возможным существование настоящего¹⁷. При этом он обращает внимание на парадоксальность прошлого: прошлое потенциально нацелено на будущее. *«Прошлое будет вести за собой настоящее, а настоящее – призывать будущее, становясь в тот же момент прошлым»*¹⁸.

Мне представляется, что оживляя прошлое в настоящем, я способен разрушить свое настоящее. Мне нужно сделать усилие над собой,

чтобы возвыситься над прошлым. То же самое происходит и в музыке. Но я убежден: предназначение музыки – с помощью чувств сохранить тонкую и хрупкую нить человеческой памяти.

При этом важно подчеркнуть следующее. Хотя настоящий смысл музыки вербально непереволим, человек во все времена стремился подбираться к ней со словами. Музыка окружена многими слоями слов. Более того! Внутри себя музыка также установлена на слово. Поэтому их сочетание оказалось неизбежным и очень важным для человеческого слуха. На особенность взаимного притяжения музыки и слова обратил внимание известный филолог А.В. Михайлов (1938–1995)¹⁹.

Нельзя не отметить, что музыка, как и книга, обладает мощным лечебным эффектом, раскрывая мир чувств. На эту тему существуют многочисленные исследования ученых, философов и психологов²⁰. Одним из самых великих среди композиторов признан В.А. Моцарт. Целебные свойства его музыки оказывают на людей выздоровительное воздействие, раскрепощают душу, повышают умственные способности, улучшают речь и слух, память и мышление. Таким образом, возможности музыки безграничны, ее чувственный потенциал формируется мозгом и предстает (по К.В. Анохину) как внешний когнитом.

В заключение вернемся к теме нашей главы. Благодаря достижениям современной науки, мы способны более глубоко понимать и изучать объект познания. В частности, таким объектом гуманитарного знания стали книга и музыка как внешний когнитом.

Для изучения феномена сущности книги и музыки выявились два подхода (две парадигмы). Сторонники первого подхода предлагают исследовать сознание и субъективные процессы познания на языке книговедения и музыкознания. Представители второго – концентрируют внимание на поиске теории особой организации мозга и протекающих в этой структуре процессов, которые составляют сущность когнитивных систем. Чтобы понять эту сущность, необходимо включить в нейронауку субъективный способ познания. Это – не физиология и не анатомия, это уже психология.

Книга и музыка как внешний когнитом несут элементы нашего Я, возникающие в результате соотношения нашего Я с окружающим миром. Психология, изучающая сознание и творчество, идет вслед за развитием книги и музыки. Мы не сможем понять формирование человеческого Я, личности, если не будем рассматривать их как исторический результат накопления огромного количества соотношений человека с миром и записи их в системах памяти.

Приведу в качестве примера понимание «музыки» в раннем конфуцианстве согласно тексту «Юэ цзи» – «Записи о музыке» – IV в. до н.э.²¹ Конфуцианцы считали, что посредством музыки можно влиять на членов общества, на правителей, на формирование нра-

вов людей. Эти представления оказали существенное воздействие на эволюцию китайской культуры и цивилизации. Музыка приобрела в китайской политической системе важное значение как составной элемент системы государственного управления.

«Таким образом, – читаем мы в тексте “Юэ цзи” – “Записи о музыке”, – все (музыкальные) звуки рождаются в человеческом сердце. В их основе лежат движения чувств. Поэтому в мирное благополучное время музыка спокойная, (отражающая) гармонию в управлении государством. Во времена смут и лихолетья музыка скорбная, выражающая обиду и гнев. (Во времена) упадка и гибели государств музыка (в них звучит) скорбная и тоскливая, выражающая нужду и усталость народа... Поэтому нужно тщательно вникать в тональности (голосов, песен и музыки), чтобы понимать звуки голоса. Нужно тщательно вникать в интонации голоса, чтобы разбираться в музыке. Нужно тщательно вникать в музыку, чтобы разбираться в (искусстве) управления государством...»²²

Завершая главу, я не делаю окончательные выводы. Скорее, я хочу подвинуть тех исследователей, которые найдут свой путь изучения тайны сознания и творчества для дальнейшего познания книги и музыки как внешнего когнитива.

Примечания

¹ Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина; отв. за вып. Т.Ф. Берестова; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск: ЧГИК, 2017. 500 с.; Розов М.А. Книга и этика // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. Москва: Традиция, 2000. С. 195–211; Леонов В.П. Книга как космический субъект: философско-культурологическое эссе // Грани книжной культуры: сб. науч. тр. к юбилею Науч. центра исслед. истории кн. культуры. Москва, 2007. С. 143–160.

² Павлов И.П. Объективное изучение высшей нервной деятельности животных // Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. Москва; Ленинград, 1951. С. 247.

³ Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

⁴ Анохин К.В. Мозг, сознание, интеллект (проект «когнитива») // Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии: докл. участников логического семинара «Сохранение и приумножение научного (логико-философского) наследия А.А. Зиновьева». Москва, 2017. С. 230–235; Анохин К.В. Наш разум – это гиперсеть // Омелия: междунар. лит. клуб. URL: <https://omiliya.org/article/konstantin-anohin-nash-razum-eto-giperset> (дата обращения: 30.04.2021).

⁵ Цит. по: Пятигорский А.М. Избранные труды / сост. и общ. ред. Г. Амелина. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 499.

⁶ Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга: Интервью с чл.-корр. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. 2013. № 5. С. 83–89.

⁷ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83.

⁸ Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопр. философии. 2021. № 1. С. 17–26.

⁹ Пушкин А.С. Каменный гость // Пушкин А.С. Соч. в 3 т. Т. 2. Москва, 1986. С. 459.

¹⁰ Анохин К.В. Когнитом: на пути к фундаментальной теории музыкального мозга // Музыка – Философия – Когнитивистика – 2018. Памяти М.Г. Арановского. Материалы междунар. науч. конф. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 2018. С. 14–18.

¹¹ Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. Москва : Гнозис, 1994. С. 447 [202].

¹² Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. Москва : Искусство, 1971. С. 175.

¹³ Зейдль А. О музыкально-возвышенном // Музыкальная эстетика Германии XIX века. Т. 2. Москва : Музыка, 1982. С. 390.

¹⁴ Леонов В.П. «Bésame mucho»: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. Москва : Наука, 2008. С. 5–6.

¹⁵ Чистяков Г. Немая музыка псалмов // Слово и музыка. Памяти А.В. Михайлова. Материалы науч. конф. Москва : Моск. гос. консерватория, 2002. С. 86. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 36).

¹⁶ Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. Москва, 1927. С. 63.

¹⁷ Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. Москва : Композитор, 1998. 363 с.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Михайлов А.В. Слово и музыка: Музыка как событие в истории слова // Слово и музыка. Памяти А.В. Михайлова. Материалы науч. конф. Москва : Моск. гос. консерватория, 2002. С. 10–11. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 36).

²⁰ См., напр.: Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. Москва : Наука, 1983. 205 с.; Современные исследования интеллекта и творчества. Москва : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2015. 608 с.; Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избр. тр. Москва : Ин-т психологии РАН, 2006. 592 с.; Аллахвердов В.М. Тернистый путь к сознанию. (Ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского) // Вопр. философии. 2020. № 7. С. 6–77.

²¹ Мартыненко Н.П. Понимание «музыки» в раннем конфуцианстве согласно тексту «Юэ цзи» – «Записи о музыке» // Вопр. философии. 2020. № 7. С. 171–175.

²² Там же. С. 175.

Глава 4. О нейробиологии чтения и «книге мозга»

Чтение – сложный нейрофизиологический процесс, в ходе которого мозг сканирует и декодирует символы и их сочетания, связанные по фонетическим, семантическим и синтаксическим правилам, выражая закодированный в них смысл. Овладеть чтением может человек, мозг которого способен функционально обеспечить реализацию ряда сложных когнитивных процессов, связанных с обработкой слов, предложений и целостного текста.

В науке о книге и мозге формируется новое направление исследований «чтение книги мозга» – «book of the brain reading». Исследования основаны на чтении и понимании содержательной стороны процессов мозга.

В книге «Пруст и кальмар: нейробиология чтения» американский нейробиолог Марианна Вулф исследует, как «открытая архитектура», пластичность нашего мозга помогает и мешает людям в их попытках научиться читать и обрабатывать письменный текст¹.

Мы – биологический вид, умеющий читать. Это показывает, что может произойти в эволюции человеческого интеллекта в будущем и с чем мы можем столкнуться в формировании будущего.

Акт чтения – это мощное «зеркало», в котором отражается поразительная способность человеческого мозга перестраиваться для освоения новой интеллектуальной функции. Как отмечает М. Вулф, два направления развития и эволюции человеческого мозга (личностно-интеллектуальное и биологическое) редко описываются вместе, но если это сделать, можно извлечь важные уроки².

Знание, что чтение требует от нашего мозга и как это способствует возможности думать, чувствовать, делать выводы и понимать других людей, особенно важно, когда происходит переход от читающего мозга к цифровому³. В обществе с письменной культурой каждый человек должен заново пройти путь подобной трансформации, что открывает неисчерпаемые возможности личностного развития и выхода за рамки биологической данности. «Чтение к каждому приходит в свое время»⁴.

М. Вулф так формулирует основные тезисы своего исследования:

1) Способность к чтению не имеет под собой генетически заданной программы, но базируется на нескольких уровнях так называемой

«скрытой активности» (когнитивном, нейробиологическом, нейронном, генетическом) и эволюционно более древней функции зрительного распознавания объектов. В свете этого адаптация к грамотности происходит благодаря способности мозга к установлению новых связей между существующими структурами, а также специализации и автоматизации.

2) Мозг эволюционно не предназначался для чтения, и формирование этого навыка демонстрирует безграничные способности мозга к адаптации.

3) Возникновение письма создало предпосылки для развития интеллектуальных навыков и самосознания личности.

4) Качество овладения чтением находится в прямой зависимости от того, сколько времени взрослые читали ребенку вслух и разговаривали с ним.

5) Само чтение состоит в отношениях «динамической взаимосвязи» с когнитивными способностями мозга⁵.

Книга М. Вулф являет собой опыт изложения интерпретации этих тезисов в доступной форме. Полагаю, что идеи автора будут интересны и отечественным исследователям нейробиологии чтения.

Обратимся еще к одному изданию М. Вулф. В 2021 г. вышла монография автора о читающем мозге в цифровом мире⁶. Ее можно рассматривать как хрестоматию по нейробиологии чтения. Книга включает 9 писем к читателю, список источников и примечания. Это своего рода авторский комментарий читающего мозга на разных уровнях понимания и осмысления традиционных и цифровых текстов.

Исходной посылкой является тезис о том, что «люди никогда не рождались для чтения. И приобретение грамотности – одно из важнейших эпигенетических достижений рода человеческого»⁷. Для заинтересованного читателя приведу перечень писем, заглавия которых уже содержат интригу.

Письмо 1. Чтение – это канарейка к голове;

Письмо 2. Под куполом цирка: Необычный вид читающего мозга;

Письмо 3. Осмысленное чтение;

Письмо 4. «Что станет с нами, читателями, которыми мы были когда-то?» Гипотеза цифровой сети;

Письмо 5. Воспитание детей в цифровую эпоху;

Письмо 6. От младенчества до ноутбук в первые пять лет;

Письмо 7. Наука и поэзия в обучении (и преподавании) чтения;

Письмо 8. Создание билатерального мозга;

Письмо 9. Читатель, возвращайся домой.

Приоритет М. Вулф отдает читателю, который не просто видит текст, но и, читая, размышляет над ним. Только такой читатель способен стать победителем в существующем мире. Он не пойдет на поводу

цифровых технологий, а будет стремиться контролировать эти технологические процессы и свой мозг заставит развиваться дальше.

Будущее, справедливо считает М. Вулф, останется за подобными читателями.

Обратимся теперь к «книге мозга».

В последние годы в мировой литературе появляются работы, которые ставят своей целью понять содержание мозговых процессов по измеряемым показателям. Они получили название «чтение мозга» – «brain reading»⁸. Сам термин появился относительно недавно, но по существу многие исследования были направлены на понимание смысла исследуемых явлений.

Как отмечает нейробиолог А.М. Иваницкий: «По существу “чтение мозга” – это новый этап в решении глобальной проблемы “мозг и психика”, так как эти исследования соединяют технологию мозговых процессов с их результатом в виде психической функции»⁹. Но, чтобы читать книгу мозга, надо знать грамоту.

При использовании понятия «чтение мозга» возникают ассоциации с человеком, читающим текст в виде «книги мозга» – «book of brain». И тут сообщество ожидает новое открытие, особенно в профессиональной библиотечной среде. Выясняется, что выражение «книга мозга», т.е. то, что можно читать, принадлежит В. Шекспиру (1564–1616). Это выражение вложено в уста Гамлета. Оно произносится в трагедии «Гамлет» (действие 1, сцена 5), в сцене, когда Гамлет обещает призраку отца стереть из книги мозга все, что там было, оставив только завет отомстить убийце.

Я привожу для сравнения слова Гамлета в двух вариантах. Первый – на языке оригинала (Оксфордское издание). Второй – в собраниях русских переводов трагедии: Б. Пастернак (1941 г.), А. Радлова (1937 г.), М. Лозинский (1933 г.), К.Р. (1899 г.), А. Кронсберг (1844 г.).

Hamlet. Act. 1. Scene 5. Oxford Edition
Yea, from the table of my memory
I'll wipe away all trivial fond records,
All saws of books, all forms, all pressures past,
That youth and observation copied there:
And thy commandment all alone shall live
Within the book and volume of my brain,
Unmix'd with baser matter: yes, by heaven!

Перевод Б. Пастернака (1941 г.)
Я с памятной доски сотру все знаки
Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,

*И лишь твоим единственным веленьем
Весь том, всю книгу мозга испишу,
Без низкой смеси. Да, как перед Богом!*

Перевод Анны Радловой (1937 г.)

*Да, я со списка памяти сотру,
Пустые, вздорные заметки, все,
Что вычитал, увидел иль отметил,
Все то, что наблюдение и юность
Туда вписали. Лишь один приказ твой,
Без всяких низких примесей, теперь
Жить будет в книге мозга, я клянусь!*

Перевод М. Лозинского (1933 г.)

*Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Что неизменнее; да, клянуся небом!*

Перевод К.Р. (1899 г.)

*Да, съ памяти страницъ сотру я все заметы
Пустыя, вздорныя, все книжныя реченья,
Все образы и все былыя впечатленья,
Что наблюдательность и юность в ней вписали;
И лишь твое веленіе одно,
Безъ примеси понятій нисшихъ, будетъ
Жить въ книге мозга моего; да, какъ предъ небомъ!*

Перевод Андрея Кронсберга (1844 г.)

*Да, съ страницъ воспоминанья
Все пошлые рассказы я сотру,
Все изреченья книгъ, плоды разсудка
И наблюдений юности моей.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книге сердца моего живутъ
Безъ примести другихъ, ничтожныхъ словъ.
Клянуся въ томъ благими небесами!*

Первым о данном прочтении Шекспира написал А.М. Иваницкий¹⁰. Вообще слово «мозг» в сочинениях В. Шекспира, как свидетельствует интернет, встречается 66 раз! Знаменитая шекспировская фраза: «И в книге мозга моего пребудет / Лишь твой завет, не сме-

шанный ни с чем» (М. Лозинский) может служить ключом к пониманию культуры XVIII в. «Это была эпоха, – писал академик Н.И. Конрад, – когда Средние века в последний раз громко, грозно и величественно заявили о себе...»¹¹

Остановимся на проблеме «чтение книги мозга» более подробно. Цель подобных исследований – понять содержание процессов мозга по физическим показаниям. Самая удивительная его особенность – функциональные программы, по которым он работает. Живой мозг использует такие методы алгоритмизации вычислений и параллельной обработки информации, которые даже трудно себе представить.

Современная нейропсихология выделяет три основных функциональных блока, три основных аппарата мозга, участие которых необходимо для любого вида психической деятельности человека, в том числе и чтения. Первый – биоэнергетический блок, обеспечивает бодрствование коры и расположен в глубинных, ранее других сформировавшихся отделах мозга. Второй – функциональный блок мозга, обеспечивает прием, переработку и хранение информации. Он состоит из аппаратов зрительной, речевой, слуховой и общечувствительной областей. Именно этот блок выполняет большую часть процессов, связанных с чтением.

Третий функциональный блок мозга – блок программирования, регуляции и контроля протекающей деятельности. Есть основания полагать, что именно здесь находится командный пункт, управляющий высшими формами психической деятельности человека. Мы подчиняем чтение определенной программе. Как сложный и взаимосвязанный процесс, оно складывается из восприятия и понимания читаемого, поэтому основным его механизмом на мозговом уровне является умение устанавливать звуко-буквенные соответствия по тексту.

Итак, чтение книги мозга представляет собой процесс, основанный на использовании определенных программ умственной деятельности, определенных способов кодирования поступающей информации при ее обработке в человеческом мозге.

Как считает нейробиолог А.М. Иваницкий, перспективным направлением исследований по чтению книги мозга является также создание моделей когнитивного пространства человека¹². Такая модель представляет собой подобие географической карты, на которой различные психические состояния, впечатления или мнения обозначены точками. Карта дает возможность в образной, наглядной форме отобразить систему внутренних представлений человека. Данный метод получил распространение в психологии.

Таким образом, ученые постепенно продвигаются по пути к пониманию происхождения и мозгового устройства сознания человека – уни-

кальной области науки, где объекты и субъекты познания представлены в одном лице¹³.

Напомню факт из истории науки о том, как осторожно подходил И.П. Павлов к проблеме возникновения субъективных явлений, психических процессов в мозге. Обсуждая проблему «сознания и сознательного», он подчеркивал в речи на собрании Общества Московского научного института 24 марта 1913 года: *«Конечно, я совершенно не коснусь философской точки зрения, т.е. я не буду решать вопроса, каким образом материя мозга производит субъективное явление и т.д. Я постараюсь только предположительно ответить на вопрос: какие физиологические явления, какие нервные процессы происходят в больших полушариях тогда, когда мы говорим, что мы себя сознаем, когда совершается наша сознательная деятельность?»*

С этой точки зрения сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, в данный момент, при данных условиях, обладающего известной оптимальной (вероятно, это будет средняя) возбудимостью»¹⁴.

Прошло более ста лет со времени выступления И.П. Павлова. Сегодня *«благодаря новому подходу к изучению биологических нейросетей, можно увидеть, как при определенном взаимодействии разных частей мозга возникает психическая деятельность»¹⁵*, то, что составляет содержание и смысл жизни человека – его сознание.

Есть и другие точки зрения. *«Учитывая возрастающий интерес к познанию механизмов работы мозга, – полагает академик РАН А.Н. Коновалов, – можно надеяться, что многие его тайны будут раскрыты. Опасаюсь лишь, что нам никогда не удастся познать его основную тайну – понять, как материальные процессы становятся идеальными, как работа мозга превращается в сознание»¹⁶.*

«...Наше понимание работы мозга, – считают К.В. Анохин, К.С. Новоселов, С.К. Смирнов, А.Р. Ефимов, Ф.М. Матвеев, – находится даже не на уровне “черного ящика”, так как на современном уровне знаний у науки нет понимания, что именно и на какой из входов “черного ящика” необходимо подать, чтобы получить результат»¹⁷.

Книга мозга для чтения открыта...

Примечания

¹ Вулф М. Пруст и кальмар: нейробиология чтения. Москва : Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Казаков Г.А. Феномен чтения глазами нейробиолога: [Рецензия] // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 152. Рец. на кн.: Вулф М. Пруст и кальмар: нейробиология чтения. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

⁶ Вулф М. Читающий мозг в цифровом мире / пер. с англ. М.М. Таштемирова. Москва : Изд-во АСТ, 2021. 256 с.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Иваницкий А.М. «Чтение мозга»: достижения, перспективы и этические проблемы // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2012. Т. 62, № 2. С. 133–142.

⁹ Там же. С. 133–134.

¹⁰ Там же. С. 133–142; Он же. Сознание и мозг: как «поверить алгеброй гармонию»? // Вопр. философии. 2015. № 2. С. 41.

¹¹ Конрад Н.И. Избранные труды. История. Москва : Наука, 1974. С. 266.

¹² Иваницкий А.М. Сознание и мозг... С. 43.

¹³ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. Москва, 1980. С. 281–283.

¹⁴ Павлов И.П. Объективное изучение высшей нервной деятельности животных // Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 1. Москва ; Ленинград, 1951. С. 247.

¹⁵ Бассетт Д., Бертолеро М. Как материя становится сознанием // В мире науки. 2019. № 8–9. С. 14.

¹⁶ Коновалов А.Н. Нейрохирургия и мозг // Вестн. РАН. 2010. Т. 80. № 5–6. С. 476.

¹⁷ Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопр. философии. 2022. № 3. С. 103.

Глава 5. Нейрофилософия и нейрокниговедение: проблемы на стыке наук

Искусство и наука, в том числе философия, психология, социология, педагогика, книговедение, порождают различные формы познания и понимания мира современного человека. В этом же ряду в последние годы активно развиваются когнитивные науки. Можно наблюдать две встречные тенденции. С одной стороны, это возрастающее влияние нейронаук на разные аспекты различных исследований. В результате изучения мозга и появления новых данных о его строении, функционировании и совершенствовании формируется структура пространства когнитивных исследований.

С другой стороны, развивается интерес к тем аспектам познания, которые отличают психику человека от работы технического устройства.

Поводом для написания настоящей главы послужило активное обсуждение в мировой научной литературе понятия и сущности нейрофилософии. Появились соответствующие обзорные статьи, сборники и другие научные труды, посвященные этой теме¹.

Нейрофилософия – широкая область современных междисциплинарных исследований, в которой центром внимания становятся общетеоретические, методологические и философские вопросы изучения, моделирования мозговой активности и психической деятельности. Нейрофилософия характеризуется как «систематическая форма изучения мировоззренческих аспектов, опирающаяся как на категориальные знания о нейрофизиологических основах психических явлений, так и на компьютерные методы имитации, моделирования, репродукирования мозговой, психической и социальной активности»².

Начнем с определения нейронаук. Под нейронауками понимают междисциплинарную область знаний, которая изучает нейронные процессы. Нейрофилософия возникла на пересечении неврологии и философии. Это не только теоретическая основа междисциплинарного синтеза различных отраслей естественнонаучных и социально-гуманитарных знаний, но и поле исследований психической области нейрофизиологической деятельности³.

Можно сказать, что основные вопросы, рассматриваемые как нейрофилософские, объединяются проблемой «Мозг и Сознание». Для ее решения границы философских исследований переходят в область естественнонаучных и гуманитарных.

Сознание человека – это его жизнь, состоящая из бесконечной смены впечатлений, мыслей и воспоминаний. Загадка нашего мозга многопланова и затрагивает интересы различных наук. Один из главных вопросов – как сознание связано с мозгом? Данная проблема находится на стыке естественнонаучного и гуманитарного знания, поскольку сознание возникает на основе происходящих в мозге процессов, но его содержание определяется социальным опытом. Задача науки о мозге – понять, какие нервные процессы приводят к возникновению субъективного образа. Субъективный опыт возникает в результате кольцевого движения возбуждения в мозге субъекта, которое возвращается в исходную позицию⁴.

Развивая далее рассуждения о сознании как таковом, целесообразно выделить объект интереса – понятие и термин «сфера сознания». Как отмечают философы М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, мы вводим его для обозначения гипотезы о том, что сознание как таковое может быть описано вне зависимости от определенного субъекта, индивида⁵. Для данной гипотезы недостаточно замечания о том, что сознание можно описывать как необъективное. В связи с этим возникает и другой вопрос – вопрос о принципиальной возможности не приписывать сознанию чего бы то ни было как со стороны субъекта, так и со стороны объекта.

Сфера сознания определяется как своего рода метасфера по отношению к другим возможным сферам научного рассмотрения (философии, социологии, педагогики, книговедения, библиографии).

Для описания метасферы необходимо предварительно сконструировать некий синтетический объект, т.е. объект, который являлся бы объектом «для нас», был бы конструкцией внутри нашего рассуждения, а не объектом в реальном смысле этого слова. Этот синтетический объект должен позволить нам свободно двигаться в границах различий между психологическим описанием, а также социологическим и книговедческим.

Чтобы выразить направленность работы нашего понимания сознания, мы и вводим понятие о сфере, в которую все устремляется. Итак, сфера сознания – синтетический объект, обладающий своими особыми свойствами, позволяющими нам увидеть в ином свете те же самые объекты, что традиционно разнесены по другим разделам науки. Например, на уровне воспроизведения запомненный факт есть факт свершения события. Другими словами, это факт, относящийся к психическому процессу памяти. Но когда данный и подобные факты выступают на уровне корреляции, они не могут рассматриваться как объекты. Это уже сознание, это уже переход от метасферы к конкретной сфере.

Как отмечает академик К.В. Анохин, мозг не может быть понят без проблемы субъективного опыта и сознания. Но и сознание не может

быть понято без изучения мозга⁶. В 2021 г. на страницах «Журнала высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова» ученый представил результаты новых исследований когнитивных структур мозга, «ответственных» за память и творческое мышление. Проблема творчества рассмотрена в контексте конструкции когнитом / коннектом. Когнитом, по мнению академика, это система субъективного опыта, коннектом – архитектура нейронной сети организма⁷. Совместное исследование – интереснейшая интерпретация не только «основного вопроса нейрофилософии», но и предмета нашего исследования – нейрокниговедения.

Известно, что в любом исследовании с точки зрения методологии можно выделить два этапа. На первом этапе преобладают анализ и дифференциация гипотез, касающихся объяснения изучаемых материалов. Второй этап – это синтез общих и различающихся аспектов в гипотезах, который позволяет создать обобщенную теорию изучаемого объекта. В становлении нейрофилософских наук и обосновании их основы исследователи пока находятся на первом этапе⁸.

Для оценки степени интеграции когнитивных наук они опираются на различные методы. Так, Пол Тагард, профессор канадского Университета Ватерлоо, использует метафору «торговой зоны». Он сравнивает развитие когнитивных наук с взаимодействием между людьми, живущими на далеком острове. Одни занимаются рыболовством, другие – плетут корзины. Обмен товарами между ними происходит в некоторой торговой зоне, а для успешного общения эти люди вынуждены использовать некоторый язык-посредник⁹. По мнению П. Тагарда, успех когнитивной науки как междисциплинарного проекта был определен тем, что его создатели обладали знаниями в различных когнитивных областях.

Для характеристики ситуации вокруг нейрокниговедения, которое я определяю как новое научное направление, предлагаю воспользоваться другой классической метафорой. Еще в 1868 г. американский философ, родоначальник семиотики Чарлз Сандерс Пирс (1839–1914) прибегнул к метафоре, которая представляется логичной при рассуждении о сущности нейрокниговедения и его производных (библиотекоеведения, библиографоеведения, читателеведения). Последние я объединяю понятием «книговедение нейронаук».

Итак, *«философия, – пишет Ч.С. Пирс, – должна имитировать методы наук, добившихся успеха. (Она должна) доверять множеству и разнообразию аргументов, а не полагаться на убедительность единственного вывода. Философское рассуждение должно представлять собой не цепочку, чья прочность равна прочности ее слабейшего звена, а трос, чьи волокна могут быть чрезвычайно тонки,*

но прочность при этом достигается их достаточным количеством и взаимными связями»¹⁰.

Из этого следует вывод, что целое не определяется одним волокном. Пирс говорит о необходимости не только достаточного количества волокон, но и наличия взаимных связей между ними. Другими словами, трос и составляющие его волокна символизируют пространственную близость.

Нейрокниговедение – междисциплинарное научное направление, которое формируется на перекрестке нейронаук и книговедения. Оно использует нейронаучные концепции, в частности исследовательскую программу «когнитом» академика К.В. Анохина. Основным объектом изучения в нейрокниговедении является система «Книга – Книжное дело – Читатель» в соотношениях с мозговым механизмом поведения когнитом. Программа К.В. Анохина позволяет выявлять и анализировать особенности влияния нейробиологических структур на сферу книговедческой деятельности. Она помогает объяснить, как в эволюции появилась книга, или другими словами, гиперсеть, в которой составляющими являются элементы нашего субъективного опыта.

Человеческое Я – это всегда уникальный когнитом, т.е. у каждого индивида есть свой когнитом (отраженная система субъективного опыта), свой язык, свои миры искусств, музыки, текстов. Книга есть внешний когнитом. Она всегда будет интерпретацией, причем всегда авторской и разной. Об этом я более подробно писал на страницах журнала «Библиография и книговедение»¹¹.

Книговедение нейронаук – это исследование книговедческих концепций библиотековедения, библиографоведения, читателеведения, лежащих в основе той или иной нейронауки, а также изучение и анализ целей, методов, проблем отдельных нейронаук. Таким образом, книговедение нейронаук может быть рассмотрено как производная от нейрокниговедения, которая самостоятельно формирует и решает проблемы нейронаук. Какие же проблемы возникают на границе этих научных направлений? Первая и, пожалуй, самая главная состоит в том, что нейрокниговедение и книговедение нейронаук, как и нейрофилософия, находятся в процессе развития, до завершенных моделей еще далеко. Поэтому многие существующие проблемы достаточно размыты, а возникающие еще ждут своего исследователя.

С моей точки зрения, не только философы, но и книговеды должны активно включиться в исследование сознания. Это будет особенно важно на этапе интерпретации получаемых сведений и фактов. Необходимо подключиться к поиску и осмыслению функциональных изменений нейронных сетей, поскольку сознание связано с их перепирировкой.

Современная нейронаука интересует многих исследователей, однако кардинальные проблемы еще не раскрыты. Не стоит надеяться, что нейрофилософия и нейрокниговедение в ближайшем будущем разработают принципиально новые концепции сознания. Лучше обратиться к уже апробированным моделям и схемам.

Выделю три приоритетные проблемы, которые должны быть в поле зрения исследователей теории когнитивных систем и нейрокниговедения как ее части. С моей точки зрения, центральным вопросом теории нейрокниговедения является понимание механизма организации взаимодействия трех элементов: книги (К) и (И) библиографии (Б) – КИБа, где И – ключевой элемент, отвечающий за ее реализацию¹². Понимание этого механизма, в свою очередь, предполагает ответы на следующие вопросы: 1) как должна быть организована работа нервных клеток когнитивной системы, чтобы в процессе эволюции появилась книга; 2) как должна быть организована книга, чтобы стать объектом библиографии; 3) как возникает союз КИБ.

Основополагающим выступает элемент «И», который соединяет книгу и библиографию в рамках единой нейронауки – нейрокниговедения. В результате дифференциации К и Б появляется научное знание – новое междисциплинарное направление «И». Для доказательства этого тезиса используем метафоры.

В исследованиях по междисциплинарности наук выделяют две основные метафоры: метафору преодоления разрыва и метафору реструктурирования¹³. В нашем случае первая метафора позволяет обозначить взаимодействие элементов системы Книга – Библиография, в которой составляющие сохраняют свою целостность и не формируют никакого общего нового знания. Исследователи каждой дисциплины могут работать совместно, но степень их взаимодействия относительно невелика.

Вторая метафора отражает ситуацию, когда некоторые части дисциплин К и Б формируют новую область исследования – КИБ, которая со временем может превратиться в отдельную научную дисциплину – новое знание – И. В этом случае мы видим процессы интеграции и дифференциации, характерные для междисциплинарного подхода¹⁴. Такова, на наш взгляд, общая стратегия организации междисциплинарных исследований.

В заключение обратимся к проблеме взаимодействия КИБ на теоретическом уровне в рамках когнитивной науки. Согласно самому широкому определению, когнитивная наука соединяет дисциплины, изучающие познание, а именно: психологию, компьютерную науку, лингвистику, антропологию, нейронауку и философию. Я бы еще добавил педагогику, книговедение и библиографию. Начиная с 80-х годов XX века когнитивную науку можно рассматривать как сложившееся междисциплинарное образование.

Книговедение нейронаук – это метафора троса. Книговедческие рассуждения должны представлять собой не цепочку, чья прочность равна прочности ее слабейшего звена, а трос, где волокна и связи имеются в достаточном количестве. Книговедение нейронаук и нейрокниговедение в настоящее время могут определяться скорее как «комплекс наук о познании», чем как «комплексная наука о познании».

Примечания

¹ Актуальные вопросы нейрофилософии – 2015. Ежегодник. Матлы междунар. междисциплинарного семинара «Нейрофилософия». Москва : ИИнтелл, 2016. 284 с.; Алексеев А.Ю., Кузнецов В.Г., Савельев А.В., Яновская Е.А. Становление отечественной нейрофилософии // Философские науки. 2015. № 11. С. 48–66; Безлепкин Е.А., Зайкова А.С. Нейрофилософия и философия нейронаук: общее и особенное // Философия науки. 2021. № 3 (90). С. 116–128; Безлепкин Е.А., Зайкова А.С. Нейрофилософия, философия нейронаук и философия искусственного интеллекта: проблема различения // Философские науки. 2021. Т. 64, № 1. С. 71–87; Соловьев Н.А. Квантовая нейрофилософия и реабилитация картезианской модели сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2019. Т. 69, № 1. С. 113–122.

² Алексеев А.Ю., Кузнецов В.Г., Савельев А.В., Яновская Е.А. Становление отечественной нейрофилософии // Философские науки. 2015. № 11. С. 51.

³ Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко // Вопр. философии. 2021. № 1. С. 17–26.

⁴ Иваницкий А.М. Сознание и мозг // В мире науки. 2005. № 11. С. 85–93.

⁵ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1979. С. 42–47.

⁶ Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 59–60.

⁷ Там же. С. 39–71.

⁸ Безлепкин Е.А., Зайкова А.С. Нейрофилософия и философия нейронаук: общее и особенное // Философия науки. 2021. № 3 (90). С. 116–128; Они же. Нейрофилософия, философия нейронаук и философия искусственного интеллекта: проблема различения // Философские науки. 2021. Т. 64, № 1. С. 71–87.

⁹ Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. № 1 (97). С. 35–60.

¹⁰ Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вестн. Ин-та истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.

¹¹ Леонов В.П. Нейрокниговедение как междисциплинарное научное направление изучения книги и когнитивных процессов // Библиография и книговедение. 2022. № 1. С. 89–92.

¹² Леонов В.П. Новые горизонты науки о книге и библиографии // Науч. и техн. библиотеки. 2021. № 9. С. 115–128.

¹³ Фёдорова О.В. А и Б сидели на трубе, или междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1 (97). С. 19–34.

¹⁴ Лысак И.В. Междисциплинарность: проблемы и преимущества // Логика, методология, науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны: мат-лы Всерос. науч.- практич. конф. (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.), Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону; Таганрог : изд-во Южного федерального ун-та. 2019. Т. 2. С. 65–68.

Глава 6. О междисциплинарности книговедения: от Библиологоса к Нейрокниговедению

В 2010 году в Оксфорде была опубликована шестисотстраничная энциклопедия «The Oxford Handbook of Interdisciplinarity», в которой нашли отражение как самые общие вопросы типологии междисциплинарного взаимодействия, так и конкретные примеры междисциплинарных исследований¹. Проблема междисциплинарности научного знания активно развивается в настоящее время. Об этом также свидетельствует проведенный мной анализ научной литературы². Прежде всего, возникает вопрос: что же такое междисциплинарность – интеграция разных дисциплин или их пересечение? Ответ на него в рамках гуманитарных дисциплин предполагает выявление отличий друг от друга, того, что в конечном счете делает их разными. Главным различием становится круг и тип проблем, которые возникают в рамках каждой дисциплины. Таким образом, гуманитарная междисциплинарность связана с постановкой как общих исследовательских вопросов, так и вопросов внутри каждой дисциплины³.

Мнения исследователей по определению междисциплинарности расходятся. В литературе нашли отражение четыре точки зрения. В результате нет единых ответов на следующие вопросы: 1) какие объекты требуют междисциплинарного подхода; 2) какие проблемы считать междисциплинарными, в чем разница между ними; 3) как соединять результаты исследования отдельных аспектов междисциплинарной проблемы; 4) как готовить специалистов по решению междисциплинарных проблем.

Цель настоящей главы – показать, как обогащает междисциплинарность развитие системы «Книга – Книжное дело – Читатель». Но об этом речь пойдет несколько позже. Сначала замечу, что при формировании междисциплинарности научного знания в целом можно выделить два подхода⁴. В первом междисциплинарность представляет собой результат тесного взаимодействия двух и более научных дисциплин, каждая из которых имеет свою устоявшуюся терминологию, предмет и методы исследования. Взаимодействие дисциплин осуществляется, как правило, в процессе работы над конкретным проектом с привлечением специалистов разных направлений.

Второй подход к междисциплинарности подразумевает существование дистанции (разрыва) между научными дисциплинами, т.е. наличие

таких объектов исследования, которые ни одна из них не рассматривает как собственный. В итоге этих отношений может возникнуть новая научная дисциплина. Например, социальная психология родилась на стыке таких дисциплин, как социология и психология. В результате появился новый объект исследования – психические процессы, протекающие в социуме.

Главным аспектом междисциплинарности является не просто соприкосновение, а сотрудничество специалистов в области разных гуманитарных и технических дисциплин. В работе помимо филологов, литературоведов, историков, специалистов по информационным технологиям принимают участие библиотекари, архивисты, библиографы, книговеды, музейные работники. Основой сотрудничества становится освоение потребностей и возможностей информационных технологий, как содержательных, так и технических.

Большая часть междисциплинарных дискуссий среди исследователей касается вопросов оцифровки памятников истории и культуры или же проблем создания виртуальных реконструкций. Ученые в оцифровке видят облегчение доступа к нужным для исследований документам. Библиотекари – возможность привлечь внимание к редким собраниям. Архивисты спорят о том, должны ли быть цифровые копии фондом пользования или сохранным фондом. Специалисты в области информационных технологий определяют возможности и ограничения технических средств оцифровки и форматов сохранения результатов. Вероятно, эти разные точки зрения объединяет необходимость сохранности историко-культурного наследия в цифровом формате⁵.

Одним из преимуществ междисциплинарности является безграничная свобода творчества, возможность выйти за жесткие рамки, что может способствовать получению нового знания. Так в междисциплинарных исследованиях может появиться еще одна проблема – проблема экспертной оценки⁶. Сошлюсь на мнение известного филолога И. Пильщикова. *«Мне кажется, – подчеркивает он, – я после многих лет работы в той сфере, которую сейчас начали называть Digital Humanities, стал своего рода специалистом “по переговорам” между филологами и программистами. Я помогаю коллегам с двух сторон этого дигитального “фронта” найти взаимопонимание»*⁷.

По наблюдениям исследователей, в сообществе ДН можно выделить несколько групп: 1) исследователи «текста как такового», 2) исследователи – собиратели «фактов» в электронных коллекциях, 3) исследователи влияния цифровой среды на гуманитарные науки в целом.

Вселяет уверенность то, что с возрастанием числа проектов в рамках ДН, связанных с библиографией, библиотековедением, кни-

говедением, увеличивается и часть профессионального сообщества, заинтересованная в компьютерных приложениях филологических и книговедческих наук⁸.

Итак, междисциплинарность опирается на идеи и методы, пересекающие дисциплинарные границы. Сами дисциплины при этом не исчезают, они сохраняют свою дисциплинарную принадлежность, обогащаясь новыми подходами к исследованию. Это может способствовать возникновению междисциплинарного инструментария. Рассмотрим актуальность междисциплинарного знания на близкой для книжников теме «Книга – Книжное дело – Читатель».

Мне представляется, что с точки зрения исследователя тему следует обозначить шире и взглянуть на нее глазами не только книговеда, но и историка, философа, психолога, социолога, филолога. Другими словами, она звучит масштабно: от Библиологоса к Нейрокниговедению.

Библиологос – это «книжный разум», точнее, разновидность «книжного разума», т.е. «разум мира книг», который коллективно создавался в течение тысячелетий. Истоки и эволюция библиологоса глубоко и всесторонне отражены в публикациях профессора А.В. Соколова. Я лишь напомню самое главное.

Структуру библиологоса образует Библиосфера – суперсистема книжно-коммуникационных систем, в которую входят социально-культурные институты: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическая деятельность. Общие проблемы библиосферы изучает наука о книге и книжном деле – книговедение. Общую теорию документа изучает документология⁹.

Сегодня объектом междисциплинарности в книговедении как науке является система «Книга – Книжное дело – Читатель», которая может рассматриваться как в историческом, так и в современном и прогнозическом аспектах. В зависимости от цели и задач исследования та или иная составляющая этой системы выступает на передний план и становится самостоятельным объектом. Однако и в этом случае каждая составляющая сохраняет внутренние связи и единство с двумя другими частями, поскольку на сущностном уровне они неотделимы друг от друга.

Первым элементом в предложенной системе выступает *книга*. На сегодняшний день в российской и зарубежной науке существует множество определений понятия «книга», но ни одно из них так и не стало общепринятым. Как объект междисциплинарности книгу можно определять с точки зрения ее материальной природы, содержания и значения для общества или комбинировать эти критерии. Перспективным подходом к проблеме определения книги, как мне

представляется, является ее рассмотрение с точки зрения семиотики – науки о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения. В этом случае книга являет собой сложную, обладающую внутренним единством знаковую систему графической природы.

Семиотический подход дает возможность определить функции книги как явления в конкретных условиях бытования. К ним относятся базовые функции (информационная, коммуникативная, поисковая) и дополнительные (познавательная, образовательная, культурологическая и т.д.).

Книжное дело – второй элемент междисциплинарности объекта книговедения как науки. Как в теории, так и в практике возможно широкое и узкое понимание книжного дела. В первом случае в него включают издательское дело, полиграфию, книжную торговлю, библиотечное дело и библиографию. При узком понимании книжного дела его составляющие ограничивают издательским делом, полиграфией и книгораспространением. От того или иного толкования содержания книжного дела соответственно зависит представление о составе книговедения и его междисциплинарности. К примеру, в исследованиях по истории книжного дела преобладает более узкое толкование этого явления.

Читатель – третий элемент междисциплинарности объекта книговедения. Вместе с тем, читатель – субъект книжного дела, реципиент книги как источника информации. Непременным свойством читателя, конечно, должно быть наличие определенных языковых и культурных навыков, которые позволяют гармонично познавать содержание и форму книги.

Интерес исследователей к изучению читателя зародился так же давно, как и сама книга. Этот интерес дает возможность проследить воздействие не только книги и книжного дела на личность читателя, но и влияние чтения на формирование и развитие книжного рынка, в том числе и электронного.

Сегодня, несмотря на активное развитие систем оцифровки, в условиях пандемии и непредсказуемости, наблюдается парадокс: возрождается устойчивый интерес к чтению, прежде всего к чтению печатных книг. Об этом, в частности, говорил в своем докладе на Крымской конференции 2021 года профессор Я.Л. Шрайберг¹⁰.

Такова общая картина классического книговедения как объекта междисциплинарного исследования в структуре библиосферы. Добавлю, что цифровизация в книговедении и библиографии приносит немало благ и решает ряд проблем. Но она способна создать и угрозу в отношении к традиционным ценностям. Повсеместная цифровизация приводит к трансформации мышления, изменениям

социально-культурных установок. Это означает, что предлагаемые в рамках цифровизации проекты нуждаются в профессиональной экспертизе, направленной на гуманизацию информационных технологий.

Успехи в последние годы когнитивных исследований нейронауки способствуют формированию нового направления – нейрокниговедения, в котором на материалах книговедения реализуется исследовательская программа «когнитома» академика РАН К.В. Анохина. Эта программа позволяет выявлять и анализировать особенности влияния нейробиологических структур на сферу книговедческой деятельности.

Под когнитомом К.В. Анохин понимает «структуру», а под понятием сознания – специфический «процесс», который протекает в этой структуре. В ней также протекают другие процессы, технические, в том числе чтение. Структура может сохранять себя и в отсутствие определенного процесса.

Возвращение сознания вновь помещает эти процессы в данную структуру. Эта структура – наше Я. Она и является нашим мозгом. К.В. Анохин предложил сформулировать «единую теорию разума» – когнитологию. Комплексный подход к когнитивным наукам сегодня сверхактуален.

Нейрокниговедение – это не просто смена названия, смена стиля изложения книговедения. Это принципиальная смена картины представления о книге. Основным ее объектом является книга в соотношениях с когнитивными процессами, протекающими в мыслительной деятельности.

Сейчас нужны не новые факты в дополнение к известным, а эмпирически проверяемая теория, которая упорядочила бы имеющиеся сведения и определила место для новых фактов. Точно так же, как это произошло в биологии XIX века, когда набор сведений о бесконечном разнообразии живой природы упорядочила дарвиновская теория.

Развитие такой теории возможно только с привлечением средств различных нейро- и гуманитарных наук, то есть с междисциплинарным подходом. В таком случае итоговое образование будет выступать не просто в качестве бездумной компиляции разрозненных частей, но как единое, неделимое целое, где каждый элемент находится в гармонии с остальными.

Работая сообща, специалисты в различных сферах знания должны сформулировать критерии, ориентируясь на которые можно было бы разносторонне исследовать феномен нейрокниги.

Сформулируем четыре вопроса, на которые должна ответить объясняющая книгу новая научная теория – нейрокниговедение:

- 1) Каковы функции книги?
- 2) Как книга формируется в процессе эволюции?
- 3) Как книга развивается у индивида в процессе обучения?
- 4) Каково устройство книги?

Если мы сумеем основательно ответить на данные вопросы, то взгляд на книгу с точки зрения междисциплинарности нейронауки может сильно изменить сущность и статус книговедения. Первым шагом в этом направлении видится создание междисциплинарного аналитического центра¹¹.

Примечания

¹ The Oxford Handbook of Interdisciplinarity / ed. by R. Frode-man, J. Thompson Klein, C. Mitcham. Oxford : Oxford University Press, 2010.

² Фёдорова О.В. А и Б сидели на трубе, или Междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1 (92). С. 21.

³ Ажимов Ф.Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопр. философии. 2016. № 11. С. 70–77; Лысак И.В. Междисциплинарность : проблемы и преимущества // Логика, методология, науковедение : интеллектуальные практики, стратегии и паттерны : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону; Таганрог : изд-во Южного федерального ун-та. 2019. С. 65–68.

⁴ Лысак И.В. Междисциплинарность : проблемы и преимущества // Логика, методология, науковедение : интеллектуальные практики, стратегии и паттерны : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону; Таганрог : изд-во Южного федерального ун-та. 2019. С. 76.

⁵ Там же. С. 65–68.

⁶ Там же. С. 67–68.

⁷ Маяцкий М. Digital Humanities – это что-то новое или мы уже давно этим занимаемся? Интервью с Игорем Пильщиковым // Логос. 2015. Т. 25. № 2. С. 31–32.

⁸ Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

⁹ Соколов А.В., Тургаев А.С. Библиологос и библиотечно-информационное образование // Науч. и техн. б-ки. 2020. № 12. С. 15–44; Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Москва : РШБА, 2016. С. 207–209.

¹⁰ Шрайберг Я.Л. Цифровизация, пандемия, экология языка, рынок информационных и образовательных услуг и библиотеки: курс на выживание и устойчивое развитие. Ежегодный доклад Шестого Международного профессионального форума «Крым–2021» // Науч. и техн. б-ки. 2021. № 9. С. 13.

¹¹ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83; Он же. О создании Междисциплинарного аналитического центра для исследования дальнего чтения и Digital Humanities // Единое цифровое пространство научных знаний: проблемы и решения : сб. науч. тр. Москва ; Берлин : Direct-Media, 2021. С. 74–81.

Глава 7. Нейролингвистика как междисциплинарное научное направление изучения книги и когнитивных процессов

В 1959 году на заседании Американского физического общества Ричард Фейнман выступил с лекцией «There's plenty of room at the bottom» (Там внизу много места)¹. Основная идея заключалась в том, что с точки зрения фундаментальных законов физики не видно никаких препятствий для работы на молекулярном и атомном уровнях. Р. Фейнман фантазировал, не приводя реальных примеров, потому что их в то время еще не было.

Лекцию слушатели не восприняли серьезно. Один из них впоследствии вспоминал: «Реакцию зала в общем и целом можно назвать веселой...»²

До присуждения Р. Фейнману Нобелевской премии «за фундаментальные работы в квантовой электродинамике с далеко идущими последствиями для физики элементарных частиц» (1965 г.) оставалось шесть лет³.

Среди таких мест, которых, по мнению Р. Фейнмана, «внизу много», мне представляется нейронаука. Она стала активно и особенно плодотворно развиваться в последние десятилетия. Одним из интересных ее направлений стала когнитивная нейронаука.

Книга как объект нейронауки

В настоящее время когнитивная нейронаука тесно взаимосвязана со многими научными направлениями, включая психологию, педагогику, лингвистику. Развитие высоких технологий предоставляет возможность включить в круг дисциплин, изучающих новые биологические объекты, книговедение – науку о книге, книжном деле и читателе. В зависимости от цели и задач исследования каждая часть системы может выдвигаться на передний план и рассматриваться самостоятельно. Однако при этом книговедение сохраняет внутренние связи и единство ее составляющих.

В последнее время можно наблюдать особенную активность в попытках разработать общую теорию книги⁴. Отличительной чертой исследований в этом направлении можно назвать актуализацию проблемы сознания, связи функций мозга с сознанием, связи мозговой деятельности и книги как ее результата.

Сейчас среди исследователей-книговедов прослеживается желание обратиться к базовым понятиям книговедческих наук, с целью пе-

решить их и обнаружить новый взгляд на привычные вещи. Это правильно, ведь именно в процессе поиска рождается новое знание. Хотя традиционный взгляд на книгу и книжное дело не несет новой информации, дискуссионной остается проблема определения книговедения и его производных (библиографоведения, библиотековедения, читателеведения, книжного дела) как комплекса научных дисциплин, либо как комплексной дисциплины⁵.

Сторонники первой точки зрения убеждены, что книговедение – это комплекс относительно самостоятельных наук, а не единых дисциплин. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют терминологические споры вокруг понятий «документ» и «ресурс». Наблюдается тенденция к еще более глубокому размежеванию.

В основу второго подхода положена идея о том, что книговедение – это комплексная, внутренне единая наука, обеспечивающая создание и функционирование книги в обществе. К сказанному добавлю: и то, и другое – и комплекс наук на стадии формирования книговедения в процессе эволюции сегодня, и комплексная наука – на пути завершения формирования в необозримом будущем.

Как было отмечено ранее, в последнее время наблюдается существенный прогресс в сфере когнитивных исследований. Особо следует отметить формирование нового академического направления – нейрокниговедения. В его основу ложится предложенная академиком РАН К.В. Анохиным программа «когнитома», которая раскрывает проблему книговедческой деятельности с точки зрения влияния на нее различных нейробиологических структур. Она помогает объяснить, как в эволюции появилась книга, или другими словами, гиперсеть, в которой составляющими являются элементы нашего субъективного опыта.

Нейрокниговедение предлагает принципиально новый взгляд на феномен книги, а не просто облекает старые идеи в новые формулировки. Настало время смены парадигмы. Взгляд на книгу с точки зрения нейронауки может изменить книговедение.

Будем исходить из того, что книга находится в мире, а мир находится в книге. *«Внешний мир строится внутри, а внутренний мир строится вовне, – пишет психолог В.П. Зинченко. – Едва ли следует говорить, что акты построения миров не изолированы один от другого... Живое существо не просто поворачивается к миру, а как бы выворачивает себя навстречу ему... Вот эти особые цельные образования... сохраняются во всем последующем функционировании психики»⁶.*

Психическая функция возникает на основе синтеза трех видов информации: исходящей из внешней среды (сенсорной), извлекаемой из памяти и приходящей из центров мотивации. Первая определяет

связь сознания с внешним миром. Вторая связывает настоящее и прошлое, включая личный опыт субъекта, и обеспечивает континуум сознания. Третья связывает реальную ситуацию с удовлетворением определенной потребности, что придает сознанию жизненный смысл и лежит в основе понимания, которого нет у компьютера.

Книга как внешний когнитом

Обратимся еще раз к рассуждениям Константина Владимировича Анохина⁷. В отличие от культурных изменений, биологическая эволюция протекает крайне медленно, занимая сотни и тысячи лет. Как и научное познание, она движется вперед, обычно не задаваясь вопросом «зачем?». По мнению К.В. Анохина, метафора «Вавилонской библиотеки» в качестве основной идеи содержит в себе безграничность. Это – то, что хранится. Человеческий разум способен сгенерировать бесчисленное количество новых миров. В этом заключается бесконечность. Разум всегда содержит в себе какую-то идею, что-то, что нужно объяснить. Он также вмещает все, накопленное человеческим опытом. При этом субъективный опыт является продуктом работы нервных клеток. В основе его – идея обновления, которое определяет постоянное человеческое стремление к новому и наделяет высшим смыслом жизнь. Теории, существующие на данный момент, не пытаются объяснить причину закономерного формирования сознания в результате эволюции, развития и обучения.

Если мозг – физическая материя, то разум – некая надстройка над ним. Врожденные программы и разум изначально сориентированы не на борьбу друг с другом, а на сосуществование и взаимодействие. Разум в этой конструкции – сеть, состоящая из элементов субъективного опыта индивида. Задача теории – объяснить, как в процессе эволюции эта сеть сформировалась. Как появилась сеть над сетью, гиперсеть – наша «Я» и наша Вавилонская библиотека, уже содержащая в себе текст в широком его понимании?

Воссоздать «произведения» Вавилонской библиотеки можно через комбинацию когов (когнитивный элемент, Cognitive Group, COG). Множество когов в совокупности формируют когнитом – систему опыта конкретного индивида⁸.

Протекание когнитивных процессов возможно только в рамках когнитивных систем. Таким образом, по мнению К.В. Анохина, начало пути к пониманию сознания лежит в изучении структур, в которых эти процессы и протекают.

Важным свойством сознания представляется способность удерживать в голове последовательность происходящих событий и произвольно извлекать их из недр памяти. Французский философ Анри Бергсон (1859–1944) называл данное свойство «памятью души»;

в отличие от «памяти тела», ответственной за двигательные и другие навыки. Современная терминология именуется их соответственно декларативной и процедурной памятью⁹.

Долговременная память соответствует книгохранилищу в библиотеке, а гиппокамп мозга можно сравнить с каталогом, который показывает, где хранится нужная книга.

Итак, если когнитом – материя сознания (структура, в которой протекают физиологические процессы, в том числе и сознание), то книга в концепции К.В. Анохина – это внешний когнитом. Она представляет собой полную отраженную систему субъективного опыта, сформированного в организме в процессе эволюции, индивидуального развития и обучения¹⁰. Таким образом, книга как внешний когнитом есть орган когнитивный, т.е. психический, а это уже совсем иная форма организации материи.

«...Книга прекрасна как Мысль. Это та форма, которую облюбовала себе самой – мысль. Сколько ей навязывают их – от гаммы и чуть ли не до злодеяния – но одна Книга есть только Мысль, Одна Мысль. Все остальное в книге и вне книги – это уже мы – наше тщеславие. Вот отчего нельзя не любить Книги. Вот чем она прекрасна»¹¹.

Книга – это своего рода «зеркало», открывающее читателю возможность к интроспекции, позволяющее ему заглянуть в себя. Он не видит себя без зеркала-книги, не переживает соприкосновение с ней, встрече. Чтение удаляет этот разрыв, объединяет человека с книгой, в результате производя на свет смысл. Знать можно лишь то, что хранится в душе. Подобно библиотеке, хорошая книга раскрывает ту ее часть, что до соприкосновения была неизвестна. «Память души» – прочитанная память, которую можно листать, останавливаться на нужной странице.

Однако когнитивные науки не произведут какой-либо новый результат, если в фокус внимания ученых не попадут такие направления эволюции сознания, как импровизация и интуиция¹². Хорошая книга формируется подобно музыке и мало подчиняется правилам. *«...Не рискуя впасть в парадоксальность, скажем, – подчеркивает выдающийся ученый В.Ф. Асмус (1894–1975), – что, строго говоря, подлинным первым прочтением произведения, подлинным первым прослушиванием симфонии, может быть только вторичное их прослушивание. Именно вторичное прочтение может быть таким прочтением, в ходе которого восприятие каждого отдельного кадра уверенно относится читателем и слушателем к целому. Только в этом случае целое уже известно из предшествующего – первого – чтения или слушания».* Таким образом, вторичное значение слова – это его первичное значение, используемое в новой обстановке¹³.

Значение междисциплинарности при изучении книги как внешнего когнитива сложно переоценить. Только исследования сознания методами различных наук и специфическими методами, рождающимися на их пересечении, могут сделать полноценное понимание этого феномена возможным. Нейронауки и гуманитарные науки (Digital Humanities, философия, психология, социология, лингвистика) формируют основу для новой книговедческой теории – нейрокигведения. Она будет представлять не просто совокупность составляющих ее частей, а качественно новое синкретичное образование¹⁴.

При этом не стоит трактовать саму междисциплинарность как один определенный подход. Она представляет собой разнообразие способов установления связей и столкновения признанных внутридисциплинарных подходов.

Междисциплинарная методология, которая позволила бы полноценно исследовать книгу в качестве внешнего когнитива, должна быть разработана с привлечением профессионалов различной специализации. Кооперируя усилия, они могли бы сформулировать критерии феномена книги, открывающие возможности для его разностороннего изучения.

Мы уже обращались к тексту И.-В. Гете и лежащей в «глубинах нашей души» «творческой силе»¹⁵, которая не дает нам покоя, но которая же является залогом возможности выстраивать внешний мир – выстраивать его изнутри.

Книга и книговедение являются продуктами биологической и культурной эволюции. Человек – биосоциокультурным существом. Исходя из этого, обозначим список основных проблем, входящих в сферу исследовательских интересов нейрокигведения:

1. Определение функций книги.
2. Исследование формирования книги в процессе эволюции.
3. Отслеживание развития книги в процессе обучения индивида.
4. Описание устройства книги.

Этими проблемами занимается теория функциональных систем, разработанная академиком Петром Кузьмичем Анохиным (1898–1974)¹⁶. Согласно этой теории: 1) накопление в памяти «опережающего отражения» будущих соотношений со средой, т.е. формирование субъективного опыта, и 2) достижение организмом приспособительных результатов со средой обеспечивается комплексом общемозговых механизмов.

Ключевым понятием в теории является приспособительный результат функциональной системы. Эта извлекаемая из индивидуальной памяти модель знакомого, но еще не наступившего события, выступает системообразующим фактором для организации всех исполнительных механизмов функциональной системы. Субъективный опыт

определяет поведение когнитивных организмов. Главными становятся закономерности организации физиологических процессов в качественно специфические системные процессы¹⁷.

Ранее в этой книге мы уже обращались к идее междисциплинарного аналитического центра. Проговорим еще раз его задачи:

- работа с новой отечественной и зарубежной литературой по нейронаукам и книговедению;
- отслеживание возникновения новых идей на пересечении Digital Humanities и исследований чтения;
- библиографический анализ с использованием междисциплинарных методов, обобщение результатов.

С точки зрения доступности ресурсов и пространства для организации, работу по формированию такого центра следовало бы организовать в информационных учреждениях Российской академии наук, с участием крупных библиотек России¹⁸. В заключение снова отмечу следующее: как внешний когнитом, книга выделяет из людского Я, как уникального когнитивного субъекта, объекты и субъекты книговедения, базовые понятия и определения, обращает внимание на междисциплинарные связи. Эти процессы представляют собой не просто обработку уже существующей информации, но генерацию качественно нового знания, которое затем может быть использовано в нейрокниговедческих исследованиях.

Примечания

¹ Feynman R.P. There's plenty of room at the bottom: an initiative to enter a new field of physics // *Engineering and Science*. 1960. Vol. XXIII, № 5. P. 22–26, 30, 34, 36.

² Пиотровский Л.Б. Очерки о наномедицине. Санкт-Петербург : Изд-во «Европ. Дом», 2013. С. 11–12.

³ Лекции и речи лауреатов нобелевских премий в русских переводах: 1901–2002: Библиографический указатель / СПбНЦ РАН, БАН. Санкт-Петербург : БАН, 2003. С. 81.

⁴ Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина ; отв. за вып. Т.Ф. Берестова ; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск : ЧГИК, 2017. 500 с.; Розов М.А. Книга и этика // *Общество и книга : от Гутенберга до Интернета*. Москва : Традиция, 2000. С. 195–211; Леонов В.П. Книга как космический субъект : философско-культурологическое эссе // *Грани книжной культуры : сб. науч. тр. к юбилею Науч. центра исслед. истории кн. культуры*. Москва, 2007. С. 143–160.

⁵ Лютов С.Н. Методологические основания междисциплинарных исследований современной книжной культуры // *Науч. и техн. б-ки*. 2019. № 9. С. 65.

⁶ Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Ч. 1. Живое знание. Самара, 1998. С. 172–173.

⁷ Анохин К.В. Мозг, сознание, интеллект (проект «когнитома») // Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии: докл. участников логического семинара «Сохранение и приумножение научного (логико-философского) наследия А.А. Зиновьева». Москва, 2017. С. 230–235; Анохин К.В. Наш разум – это гиперсеть // Омелия: междунар. лит. клуб. URL: <https://omiliya.org/article/konstantin-anohin-nash-razum-eto-giperset> (дата обращения: 30.10.2021).

⁸ Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга: Интервью с чл.-корр. РАН К.В. Анохиным // В мире науки. 2013. № 5. С. 83–89.

⁹ Иваницкий А.М. Сознание и мозг // В мире науки. 2005. № 11. С. 90–91.

¹⁰ Леонов В.П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 77–83.

¹¹ Анненский И.Ф. Книги отражений. Москва, 1979. С. 482.

¹² Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопр. философии. 2021. № 1. С. 17–26.

¹³ Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопр. литературы. 1961. № 2. С. 44–45.

¹⁴ Фёдорова О.В. Психолингвистика. Москва : Буки Веди, 2020. С. 33–40.

¹⁵ Гете И.-В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7: Годы учения Вильгельма Мейстера / пер. с нем. Н. Касаткиной. Москва : Худ. лит., 1978. С. 332.

¹⁶ Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопр. философии. 1962. № 7. С. 97–111.

¹⁷ Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал Высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71.

¹⁸ Леонов В.П. О создании Междисциплинарного аналитического центра для исследования дальнего чтения и Digital Humanities // Единое цифровое пространство научных знаний: проблемы и решения : сб. науч. тр. Москва ; Берлин : Direct-Media, 2021. С. 74–81.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В гуманитарных науках и науках об искусстве «Заключение» книги в традиционной его трактовке часто невозможно, поскольку сложно взять на себя смелость расставить окончательные точки над «і». Тему этой книги невозможно исчерпать до конца – ее можно осветить лишь частично – на тех примерах, которые были изложены.

Я предлагаю завершить изложение в данной книге аллегорической историей. Она заимствована из книги Марка Генриховича Арановского «Музыкальный текст. Структура и свойства»¹. Я лишь частично изменил предмет интереса, исходя из задач настоящей работы.

Итак, вообразим себе, что, наконец, осуществилось предвидение писателей-фантастов: на Землю опустился корабль инопланетян, и землянам, среди всего прочего, предстоит объяснить пришельцам, что такое книга. Ничего, кроме того, что это некий буквенный код, мы сказать, пожалуй, не сможем. И, по сути, ответ будет правильным и даже исчерпывающим. Правда, читателям Планеты такое объяснение может показаться недостаточным. И если это некий код, то далее должно последовать разъяснение, что именно он кодирует, то есть какова информация, содержащаяся в нем. Однако здесь можно столкнуться с почти непреодолимыми трудностями.

Дело в том, что информация этого буквенного кода будет понятна только нам – землянам. Более того, ее прочитают только те, кто принадлежит к культуре, в рамках которой возник и сформировался данный вид буквенного кода. Разновидностей последнего может быть, как известно, много. Немалую роль играет и личная подготовленность индивида в распознавании подобной информации. Наконец, нельзя не напомнить, что информация, заключенная в книге, плохо поддается перекодировке даже для нас, живущих на Земле.

По сути, пришлось бы объяснять братьям по разуму все с самого начала: что такое Человек, каково его анатомическое и физиологическое устройство, какова его психика; что представляет собой его жизнь, из чего складываются человеческие отношения и каковы они; что представляет собой социум и как он развивается, какие события наполняют историю человечества; каковы отношения человека с природой и Космосом; что такое наука, какие бывают науки, что есть искусство, эстетическое начало и многое другое...

Однако труднее всего, видимо, было бы объяснить, почему для нас – землян – столь уникален сам КОД, иначе говоря, текст. Почему важно, как он устроен, по какой причине невозможна перекодировка информации, которая, в сущности, от него неотделима... В результате мы попадем в зону нескончаемой дискуссии: где «кончается» буквенный код и «начинается» собственно информация? Каковы эти соотношения? Тем самым мы вновь (и в который раз!) оказываемся перед вечным вопросом: Что есть книга и как она формировалась в сознании человека?

В заключение я попытаюсь, следуя логике рассуждений выдающегося математика и философа В.В. Налимова (1910–1997) сформулировать взгляд на проблему нейрокниговедения в целом.

Лед тронулся.

В лагунах – между льдин уходящего – поблескивают новые идеи.

Они не включены в единый поток мысли.

Еще много насмешек, запретов.

Еще достаточно отчетливо не намечились пути, ведущие к созданию общей теории науки о книге и библиографии.

И все же книговедение и библиографоведение готовятся к смене. Именно это я хотел показать в данной работе.

Возникновение новой науки о книге и библиографии – это концептуальное объединение того, что уже начало вызревать².

Такой вывод на проблему нейрокниговедения в целом я мысленно сформулировал, когда шел очередной раз своим маршрутом по бесконечным коридорам Библиотеки Российской академии наук.

Примечания

¹ Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. Москва : Композитор, 1988. С. 341–342.

² Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. На грани третьего тысячелетия : что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку? Философское эссе. Москва : Лабиринт, 1994. С. 61–62.

ПРИЛОЖЕНИЕ. КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ «КНИГИ» В «НОВОМ ЖУРНАЛЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ»

Почти столетие назад, в 1924 году вышла в свет книга известного ученого-книговеда профессора М.Н. Куфаева (1888–1948) «Проблемы философии книги», которая на долгие годы стала основополагающим фундаментом для изучения теории книги. В настоящее время она не потеряла своей актуальности¹.

Уже на первых страницах внимание читателя привлекает обширная цитата из статьи «Книги» со ссылкой на двух авторитетных авторов: *«Про чтение говорит Огюст Конт: “мы ведь живем больше с мертвыми, чем с живыми”. Почти то же находим у Л. Толстого. “Суть книги, – читаем мы в одной ценной старой статье (“Книги”, ст. в № 10 “Вестн. иностр. литер.” за 1898 г.) – вечна; какую она была ранее, такую останется и теперь, такую перейдет и в далекое будущее: суть эта – увековечение мысли, воплощение ее в доступном, по возможности большинству, виде посредством письмен или видимых знаков. По такому определению сути письменности мы можем установить крайние пределы в данной области: с одной стороны – мысль, возникающая в мозгу, с другой – пользование ею без ограничения во времени и пространстве. Сблизить эти абстрактное с конкретным между собой, эти пределы, и составляет задачу книгодельного искусства, или техники письменности. История показывает нам, как постепенно они сближались”»*².

Однако обращение к источнику цитаты (Вестник иностранной литературы. 1898. № 10), указанному М.Н. Куфаевым, показало отсутствие данной статьи на страницах журнала. Дальнейший библиографический поиск был непростым и в конечном счете привел к совершенно другому журналу (Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1898. Т. IV. № 10. С. 2–9)*.

---

* Совместный библиографический поиск был осуществлен с библиографом Справочно-библиографического отдела БАН Наталией Александровной Волковой. Выражаю уважаемому библиографу искреннюю благодарность!

Учитывая исключительную редкость статьи «Книги», уникальность и многогранность содержания, считаю целесообразным ее публикацию в качестве приложения к настоящей книге.

К большому сожалению, автор или переводчик статьи остались неизвестными. Уверен, что знакомство со статьей доставит истинное удовольствие любознательному читателю.

Примечания

¹ Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Ленинград : Начатки знаний, 1924. 72 с.

² Там же. С. 16–17.

236

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСКУССТВА И НАУКИ

ГОДЪ ВТОРОЙ
Т. VI

№. 10 — Октябрь

1898

Томъ IV

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

О НОВОМЪ РОСКОШНОМЪ ИЗДАНИИ **ВЕНЕРА И АПОЛЛОНЪ**

См. 4 стр. обложки.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ IV

(ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1898 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

(Годъ второй.—Т. VI-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

Дозволено цензурою 25 сентября 1898 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ө. И. Булгаковъ.**

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. IV.

ОКТАБРЬ 1898 г.

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

	СТР.		СТР.
I. Интересное чтеніе. Съ картины Мадленны Лемеръ	1	VII. Генрикъ Ибсенъ. Критическ. этюдъ С. П. Нани. (Гл. V — VII). (Съ виньет.)	23
II. Книги. (Съ 5 иллюстр.)	2	VIII. Поэтессы-самоучки Критическій этюдъ Е. М. Шершевской. (I. Прошлое женской нѣмецкой поэзіи)	27
III. Лука Синьорелли. (Изъ графа фонъ-Платена). Стихотвореніе В. С. Лихачова.	9	IX. Дѣтство королевы (съ 2 портретами королевы Вильгельмины и виньет.)	31
IV. Жизнь и ученіе Джона Раскина. Ст. проф. Ч. Э. Тѣрнера. (VIII. Раскинъ объ обязанностяхъ человѣка къ обществу. — IX. О томъ, что нужно народу). (Съ 2 виньет.)	10	X. Въ сѣтяхъ. (Изъ Фридриха Дармера). Стихотв. В. С. Лихачова. (Съ иллюстр.)	36
V. Его любимый романсъ. (Рис. Макса Купера).	16	XI. О народныхъ повѣрьяхъ въ Европѣ. (Съ 4 рисунками Кастенья)	37
VI. Императрица Австрійская (съ 4 портретами и виньеткой)	17	XII. Дамская страница въ астрономіи. В. Разинькова. (Съ 5 люстр.)	44

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

19 статей и замѣтокъ съ 40 иллюстр. (Подробное оглавленіе см. стр. 54) 53

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Женщина въ искусствѣ. Художественно-историческая монографія съ многочисленными автотипіями съ произведеній живописи и скульптуры, изображающихъ женщину, съ портретами женщинъ-художницъ и покровительницъ искусствъ . . . . . 33—64

Такъ говорилъ Заратустра. Мистическая поэма Фридриха Ницше. Переводъ съ нѣмецкаго . . . . . 49—64

Избранныя произведенія Стендаля (Анри Бейля). (Съ его портретомъ). Переводъ и примѣчанія В. П. Горденко . . . . . 1—16

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Норманны въ Византіи. Историческій романъ Гюга Ле-Ру. Съ французскаго переводъ А. Н. Толстой. (Окончаніе) . . . . . 33—66

Эйалинь ангелъ. Романъ Тролопа. Съ англійскаго переводъ О. М. Соловьевой . . . . . 81—144

Сень-Марсъ или заговоръ въ царствованіе Людовика XIII. Историческій романъ графа А ль фреда де-Виньи. Съ франц. переводъ О. М. Соловьевой. (Съ рисунками) 145—160

Арахнея. Новый историческій романъ Георга Эберса. Съ нѣмецкаго переводъ Е. В. Кившенко. (Окончаніе) . . . . . 145—176

Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1898 г. по 31-е декабря 1898 г.) 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р.; полугодовая 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 3 р. За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній 28 к., иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній 50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, 13. (Приемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 2 до 3 час. пополудни). Телефонъ 2327.

КНИГИ.

Безсмертный Кеплеръ сравнивалъ число кометъ съ количествомъ рыбъ: «кометъ въ небѣ столько, сколько рыбъ въ океанѣ». Уже и теперь пмѣются основанія, чтобы въ будущемъ, можетъ быть, и не особенно далеко, примѣнить подобное сравненіе къ книгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, книжный рынокъ на нашихъ глазахъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Ежедневно типограф-

скія машины выпускаютъ тучи печатной бумаги. Гора книгъ все увеличивается. Годъ два-три тому назадъ въ Нью-Йоркѣ возникла идея произвести генеральный, такъ сказать, смотръ этой бумажной арміи—составить полный каталогъ всѣхъ книгъ міра отъ начала книгопечатанія до нашихъ дней включительно. Это будетъ внушительный, капиталнѣйшій трудъ, и Богъ вѣсть, когда

онъ приблизится къ концу. Тогда къ существующимъ книжнымъ горамъ прибавится новая—великая во всѣхъ отношеніяхъ книга о книгахъ, столь необходимая для каждаго, кто хочетъ изучить основательно тотъ или иной вопросъ въ той или иной области жизни, труда, знанія, искусства, кто хочетъ составить по своему вкусу, сообразно со своими нуждами полную библиотечку. И, дѣйствительно, какъ трудно въ на-

стоящее время разобратся въ хаосѣ печатной бумаги — всякихъ книгъ, брошюръ, періодическихъ изданій, атласовъ, альбомовъ и т. п., безъ общаго руководителя-каталога! Какъ трудно выбрать изъ этой горы все существенно необходимое, дѣйствительно цѣнное, для хорошей, къ извѣстнымъ цѣлямъ приуроченной, библиотеки! Вспомнимъ богатая литературы по всѣмъ отраслямъ знаній Франціи, Англии, Германіи. Вспомнимъ о той безднѣ всевозможныхъ статей различ-

наго характера, которая разсыяна въ ежемѣсячникахъ и еженедѣльникахъ, какъ общедоступныхъ, такъ и специальныхъ. Это — настоящій лабиринтъ, которому недостаетъ только Ариадниной нити, и если указанная выше благая затѣя американцевъ осуществится — мы будемъ имѣть въ видѣ ихъ всемірнаго каталога такую путеводную нить. Правда, и теперь существуютъ библиографическіе указатели и систематическіе справочники, но ихъ такъ мало; при томъ

весьма немногіе изъ нихъ отличаются желаемою полнотою, и, наконецъ, они относятся къ литературамъ отдѣльныхъ языковъ, а не всѣхъ въ совокупности. Но все-таки и то немногое, что есть въ данной области, представляетъ уже болѣе или менѣе значительную поддержку для каждаго имѣющаго дѣло съ книгами. Съ помощью нынѣшнихъ указателей можно кое-какъ ориентироваться въ темныхъ вѣдрахъ книжнаго

рынка. Говоримъ мы это главнымъ образомъ о книгахъ спеціального содержанія, посвященныхъ наукѣ или искусству; что же касается изящной словесности, беллетристики и поэзіи, то въ выборѣ такихъ книгъ на первое мѣсто выступаетъ вкусъ и здѣсь указатели, собственно, ни при чемъ. Но оставимъ специалистовъ, оставимъ любителей романовъ и стиховъ и взглянемъ на книги пошире, побѣсѣдуемъ о «библиотекѣ образованнаго человека».

Книга въ настоящее время играетъ роль положительно необходимаго предмета домашняго обихода. Вы найдете ее вездѣ — и во дворцахъ, и въ богатыхъ палаццо, и въ скромныхъ буржуазныхъ квартирахъ, и даже въ бѣдныхъ хижинахъ. Книга сопутствуетъ грамотности; она не требуетъ ни большой денежной затраты для пріобрѣтенія ея, ни особенныхъ помѣщеній. Съ удобствомъ она помѣщается и на столѣ, и на полкѣ, и въ книжномъ шкапѣ. И съ тече-

Дѣвочка передъ книжкой съ картинками.

(Съ картины Августа Гейна).

(На Мюнхенской выставкѣ 1898 г.).

ніемъ времени все рѣже и рѣже приходится вспоминать изреченіе Цицерона о комнатѣ безъ книгъ, которую «можно сравнить съ тѣломъ, лишеннымъ души». Книга сдѣлалась другомъ человѣка, особенно полезнымъ своими утѣшеніями въ тяжелыя минуты жизни. «Когда я читаю, я забываюсь.» Какъ часто можно теперь услышать эту фразу! И дѣйствительно — хорошая, увлекательно написанная книга, вырываетъ насъ изъ душевной сферы повседневныхъ житейскихъ заботъ въ чистую, свѣтлую область мысли, гдѣ и страданія являются предъ нами въ красивыхъ формахъ, еще болѣе возбуждающихъ наше сочувствіе. Въ нашъ вѣкъ, погрязшій въ служеніи золотому тельцу и въ погонѣ за эфемерной славой, вѣкъ съ густо наложеннымъ на него отпечаткомъ матеріализма, практичности, книги едва ли не единственные вѣрные, безкорыстные друзья; они даютъ намъ такъ много, а требуютъ такъ мало. Уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ знаменитый Петрарка опѣнилъ эту великую дружбу въ такихъ словахъ: «Я имѣю друзей, общество которыхъ для меня чрезвычайно пріятно: эти друзья существовали какъ въ прежніе вѣка, такъ живутъ они и теперь; эти друзья разсыяны по различнымъ странамъ міра; они отличились своими заслугами какъ на полѣ сраженія, такъ и въ скромномъ кабинетѣ ученаго и получили наивысшія награды за тѣ полезныя свѣдѣнія, которыми они надѣляли всѣхъ. Доступъ къ нимъ чрезвычайно легокъ, и всегда они къ моимъ услугамъ; я принимаю ихъ или отказываюсь отъ ихъ общества тогда, когда мнѣ это угодно. Они не беспокоятъ меня и всегда готовы отвѣтить на любой вопросъ, заданный имъ мною. Нѣкоторые изъ этихъ друзей объясняютъ мнѣ событія прошлыхъ вѣковъ, между тѣмъ какъ другіе раскрываютъ предо мною великія тайны природы; одни изъ нихъ учатъ меня, какъ жить, другіе — какъ умирать. Одни изъ нихъ своею занимательностью прогоняютъ мою скуку и пріятно возбуждаютъ мой упавшій духъ, тогда какъ другіе укрѣпляютъ мой умъ и даютъ мнѣ мудрый совѣтъ, какъ обуздать свои страсти и надѣяться во всемъ только на свои собственныя силы. Они раскрываютъ предо мною разнообразныя отрасли искусства и науки, и я могу смѣло рассчитывать на ихъ помощь для пріобрѣтенія все-

возможныхъ свѣдѣній по самымъ трудно-разрѣшимымъ вопросамъ. Въ благодарность за всѣ эти услуги, они требуютъ отъ меня только одного, — пристроить ихъ въ удобной комнатѣ въ какомъ-либо углу моего скромнаго жилища, гдѣ бы они могли мирно покоиться, такъ какъ наслаждаться обществомъ этихъ друзей удобнѣе въ тишинѣ и спокойствіи, нежели среди шумной толпы.»

Приведенныя слова Петрарки лучше всего объясняютъ сущность и значеніе бібліотеки образованнаго человѣка, для девиза которой слѣдовало бы взять слова лорда Брума: «Весьма цѣлесообразно — читать все понемногу и немного обо всемъ.» Въ такой бібліотекѣ должны найти себѣ мѣсто всѣ музы, увѣковѣчивающія письменами мысль. Здѣсь — и науки, и искусства, и поэзія. Здѣсь откроетъ намъ астрономія далекіе загадочные міры въ небѣ, географія — разныя страны на землѣ; исторія отопретъ своимъ ключемъ двери старинныхъ дворцовъ, ворота старинныхъ городовъ, познакомитъ насъ съ тайнами прошлаго, воскреситъ угасшую жизнь; царство Флоры распахнетъ намъ свои объятія въ ботаникѣ; зоологія поведетъ насъ въ міръ животныхъ; спустимся въ нѣдра земли вмѣстѣ съ минералогіей и останемся подъ руководствомъ геологіи у колыбели нашей планеты; метеорологія вознесетъ насъ къ облакамъ; физика покажетъ намъ интересныя явленія, позабавитъ подчасъ фокусами, а химія расскажетъ о строеніи и составѣ тѣлъ, объ ихъ измѣненіяхъ, о газахъ и жидкостяхъ; анатомія обнажитъ и вскроетъ передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ человѣческое тѣло, а въ медицинѣ мы изучимъ болѣзни и ихъ лѣченіе. Пойдемъ дальше: передъ нами чудеса техники, чудеса инженернаго искусства — всевозможныя машины, желѣзныя дороги, пароходы, броненосцы, мосты, дамбы, каналы, туннели; мы залюбуемся величественными храмами, красивыми зданіями, изяществомъ и гармоніею архитектурныхъ линий. Вотъ многочисленные альбомы съ гравюрами и фототипіями: взоръ восхищается красотой и благородствомъ формъ классическаго зодчества и ваянія. Цѣлая галлерія знаменитыхъ статуй проходитъ передъ нашими глазами; за нею слѣдуетъ нескончаемая галлерія живописи отъ Рафаэля до Бернъ-Джонса, отъ Сандро Боттичелли до прерафаэлитовъ нашихъ дней. Длинною-длинною вереницею пройдутъ красивые образы, картины природы,

воплощенные гениальною кистью мечты художниковъ. Когда мы отдохнемъ на этихъ сокровищахъ чловѣческаго гениа,—переходимъ къ другимъ, скрытымъ въ печатныхъ страницахъ: тутъ романъ, поэзія. Нѣтъ уже болѣе спокойствія науки, угрюмой сосредоточенности техники, нѣмой прелести пластическаго искусства! Теперь мы въ области буривосторговъ, водоворота страстей, тихихъ радостей и тайныхъ драмъ семейнаго очага, порывовъ любви, сладкаго яда наслажденій, чловѣческаго горя и счастья; въ области паренія души къ недосыгаемымъ, заманчиво блестящимъ въ таинственной дали идеаламъ; въ области поющихъ словъ, божественныхъ звуковъ поэзіи, въ области внѣшней красоты рѣчь и внутренней красоты содержанія.

Любимъ ли мы, страдаемъ ли мы, печальны ли или счастливы, тяготитъ ли насъ горе или восторгаемся мы жизнью, смущаютъ ли насъ какія-нибудь мысли или изнываемъ мы отъ пустынности души,—всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ, мы найдемъ въ этой области библіотеки сочувствіе себѣ, облегченіе, утѣшеніе или даже нѣмой совѣтъ; въ увисонъ нашему состоянію мы найдемъ такое же состояніе души созданныхъ фантазією поэта людей; если наша душевная жизнь неполна почему-либо, мы можемъ замѣстить эту пустоту, почерпая изъ литературныхъ произведеній подходящій матеріалъ.

Такова библіотека истиннаго интеллигента; научный отдѣлъ ея всегда готовъ къ его услугамъ для всякихъ справокъ, для пополненія образованія; литературный — отвѣтитъ запросамъ души; художественный — удовлетворитъ эстетическія требованія. Здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о глубокомъ энциклопедизмѣ, но и не о легкомысленно-поверхностномъ знаніи. Въ этомъ отношеніи такъ умѣстно—соблюсти Горациеву «золотую середину». Мозгъ всегда работаетъ, умъ всегда проявляетъ интересъ къ чему-либо. Библіотека, о которой мы говоримъ, должна оказать помощь въ такой пытливости ума; готовый отвѣтъ, въ видѣ разнообразныхъ книгъ, долженъ пойти немедленно навстрѣчу

назрѣвающему у интеллигента какому-либо вопросу.

Разносторонность содержанія описываемой нами библіотеки интеллигента, удовлетворяющей разнообразнымъ потребностямъ чловѣческаго духа, соотвѣтствуетъ такому же характеру одного крупнаго явленія современной жизни, безъ котораго трудно вообразить теперь себѣ цивилизацію нашего вѣка: это—газета. Въ газетѣ вы найдете все: и извѣстія о текущихъ событіяхъ, и историческія свѣдѣнія, и научныя статьи, и романъ, и новеллу, и стихи, и даже рисунки. Нынѣшняя газета, поистинѣ, энциклопедична. Къ цѣлесообразному чтенію хорошей газеты (мы, разумѣется, не имѣемъ здѣсь въ виду бульварныхъ листковъ и театральныхъ содержанокъ въ прессѣ) нужно быть извѣстнымъ образомъ подготовленнымъ—обладать предварительными познаніями особенно по части политической исторіи и географіи. При всей необходимости для насъ этого сравнительно новаго продукта типографской промышленности, нельзя закрывать глазъ на отрицательныя стороны газеты: какъ дешевый, обильный и разнообразный матеріалъ для чтенія, заполняющаго краткій дневной досугъ нынѣшняго погруженнаго въ работу, жестоко борящагося за существованіе, чловѣка, газета незамѣтно подрываетъ спросъ на книги. Съ теченіемъ времени образованность распространяется все болѣе и болѣе, а между тѣмъ чуть не вездѣ жалуются на застой книжнаго рынка. Этотъ застой, можетъ быть, и нѣсколько преувеличиваемый, но все-таки существующій, обусловливается, съ одной стороны, перепроизводствомъ книгъ (чего только теперь ни печатаютъ!), а, съ другой, увеличеніемъ числа публичныхъ библіотекъ и разрастаніемъ газетнаго дѣла. Частныя, домашнія, библіотеки теперь не въ

модѣ. Сплошь и рядомъ случается, что по смерти какого-нибудь библіофила его коллекція книгъ безжалостно распродается наслѣдниками, идетъ чуть не за безцѣнокъ, выселяется изъ тихихъ кабинетовъ и библіотечныхъ залъ на пыльную, шумную толкучку. Если такой разгромъ вызывается нуждою—извинительно, даже болѣе чѣмъ достаточно извинительно. Но что сказать, если книги продаются потому лишь, что онѣ занимаютъ «лишнее мѣсто», что послѣ нихъ освободится комната для будуара любовницы, что на деньги, вырученныя за нихъ, приобретутъ скаковую лошадь, сногшибательный велосипедъ или просто растратятъ ихъ на какіе-нибудь пустяки, прокутятъ, пустятъ, какъ говорится, на вѣтеръ?! Въ оправданіе застоя книжнаго рынка, пожалуй, приведутъ указаніе на сравнительное обѣднѣніе: «денегъ нѣтъ». Деньги-то, положимъ, есть, да онѣ уходятъ на другія потребности; а такихъ потребностей народилось въ новѣйшей цивилизаціи не мало. Напримѣръ, спортъ—эта язва человѣческаго прогресса, стремящаяся вернуть насъ ко временамъ древне-римскихъ ристалищъ; и, собственно, не спортъ, а злоупотребленіе спортомъ. Оздоровленіе человечества такимъ путемъ, какъ тщетно силится доказать это рьяные спортсмены,—не болѣе, какъ пустякъ, жалкія слова. Здоровье обусловливается нормальною свободою отъ предразсудковъ, согласною съ требованіями природы, жизнью, а не безсмысленными упражненіями рукъ и ногъ. Развѣ подниманіе гирь и верченіе на турникахъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ атлетическихъ клубовъ могутъ замѣнить человѣку свѣжій воздухъ? Многие принесено въ жертву спорту; имъ наполнили чуть не всѣ досуги дѣйствительные и воображаемые; чрезмѣрное увлеченіе имъ отняло у книгъ достаточно поклонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде вкусъ и любовь къ книгамъ были болѣе развиты, о чемъ свидѣтельствуютъ и исторія и сохранившіяся донынѣ старинныя библіотеки, болѣе развиты, можетъ быть, потому, что книги тогда были предметами роскоши, доступными только богачамъ. Но вкусъ этотъ притупился благодаря многимъ обстоятельствамъ, въ томъ числѣ и разнымъ дешевкамъ книжнаго рынка, пущеннымъ въ ходъ скопидомными нѣмцами; книги сдѣлались доступными всѣмъ по своей цѣнѣ, сдѣлались обыденными предметами. Правда, прежней вражды къ книгамъ нѣтъ теперь, но

зато замѣчается въ большинствѣ случаевъ поразительное, поворное равнодушіе къ нимъ. Лишнія деньги теперь предпочитается затратить на покупку велосипеда, чѣмъ на книги.

А число книгъ все-таки умножается и умножается: званія растутъ, умъ человѣка прогрессируетъ. Прогрессъ отражается и на внѣшности книгъ. Сравните грузные неуклюжіе фоліанты старины, временъ начала книгопечатанія, съ изящными томиками нашихъ дней. Какая разница! Это—да позволено будетъ намъ такое вульгарное сравненіе—грубый сапогъ и изящная туфелька. Тамъ толстый шероховатый пергаментъ грязноватаго цвѣта, дѣтскій рисунокъ крупнаго шрифта, погрѣшности въ типографскомъ отношеніи—въ смыслѣ неправильности набора и верстки—такія, отъ которыхъ въ ужасъ пришелъ бы современный нашъ метранпажъ, и не только метранпажъ, а и самый заурядный наборщикъ. А теперь—гладкая, атласистая бумага, граціозныя контуры литеръ, все подтянуто, выровнено въ струнку,—не печатная страница, а узоръ какой-то! А ужъ объ иллюстраціяхъ и говорить нечего! Иная современная книга своимъ изяществомъ скорѣе походитъ на бонбоньерку, чѣмъ на книгу, такъ и вызываетъ о бѣлыхъ перчаткахъ на руки! Прямо-таки не читать ее, а любоваться ею! Эволюція внѣшности книги не прекращается съ первыхъ дней ея. Къ чему она приведетъ въ будущемъ? Это зависитъ, конечно, отъ успѣховъ техники. Четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ-подъ примитивныхъ типографскихъ ручныхъ станковъ выходили въ свѣтъ первые книжные листы. Теперь въ типографіяхъ весело жужжатъ сложныя ротационныя машины, выбрасывая въ сутки умопомрачительную массу печатной бумаги. Явилась на помощь фотографія—и иллюстрированіе книгъ пошло быстрыми шагами впередъ благодаря простой и сравнительно дешевой автотипіи или цинкографіи. Быть можетъ, какъ мечтаютъ нѣкоторые утописты, книга въ будущемъ замѣнится фонограммою. Подписчики газетъ будутъ получать тогда каждое утро не нынѣшнія печатныя простыни, а маленькія трубочки фонограммъ; зарядитъ будущій счастливецъ-человѣкъ свой фонографъ такую трубочкою и за утреннимъ кофе прослушаетъ со всею семьею всѣ текущія извѣстія. Пожалуй, тогда при редакціяхъ газетъ будутъ состоять цѣлыя оперныя труппы: басъ—для отдѣла политиче-

скаго, альтъ—для телеграммъ, меццо-сопрано—для обывательскихъ воплей въ городской хроникѣ и сладчайшій теноръ—для беллетристики. Это, конечно, шутка, но что рано или поздно книгопечатаніе вырождается въ какую-нибудь новую, еще не известную нынѣ, отрасль техники—это можно предполагать съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ говорятъ о замѣнѣ паровыхъ машинъ въ будущемъ электромоторами, приводимыми въ движеніе, конечно, не силою пара, какъ теперь, а иною, хотя бы, напримѣръ, силою гальваническаго тока или другихъ химическихъ процессовъ. Мечтать о будущемъ—очень благодарная тема, но не будемъ ею увлекаться.

Обратимъ вниманіе только вотъ на что: сущность технического прогресса состоитъ въ упрощеніи приспособленій, въ упрощеніи условий работы и въ сокращеніи участія рабочей силы человѣка. Вспомните усовершенствованія въ телеграфномъ дѣлѣ, въ ткацкомъ производствѣ. Вспомните, сколько людей устранили отъ работы новѣйшія машины, къ слову сказать, та же самая ротационная машина, сама печатающая на безконечной лентѣ бумаги съ двухъ сторонъ, разрѣзывающая ее на листы, аккуратно фальцующая ихъ. Заглянемъ въ древность, посмотримъ, какъ люди увѣковѣчивали свою мысль, дѣлали то, что составляетъ теперь сущность типографскаго искусства: выѣкали слова на камнѣ, вырѣзывались на глиняныхъ дощечкахъ, обжигаемыхъ затѣмъ; позже появляются длинные свитки папируса; отъ временъ книжныхъ лавокъ древняго Рима до Гуттенберга арміи переписчиковъ корѣбли надъ манускриптами; для одновременнаго изданія ста экземпляровъ требовалось сто человѣкъ, да одинъ диктующій, а теперь десять-двѣнадцать душъ справятся съ такимъ дѣломъ въ современныхъ типографіяхъ. Вы видите, какая бездна разницы легла, на протяженіи трехъ столѣтій, между каменными и глиняными досками и глянцевитою, нѣжною бумагою нашихъ книгъ! И эволюція внѣшности книги будетъ, безъ сомнѣнія, продолжаться и далѣе,—замѣтте, только внѣшности, потому что суть ея вѣчна, какою она была ранѣе, такою она остается и теперь, такою перейдетъ и въ далекое будущее: суть эта—увѣковѣченіе мысли, воплощеніе ея въ доступномъ по возможности большинству видѣ посредствомъ письменъ,

или видимыхъ знаковъ. По такому опредѣленію сути письменности мы можемъ установить крайніе предѣлы въ данной области: съ одной стороны—мысль, возникающая въ мозгу, съ другой—пользованіе ею безъ ограниченія во времени и пространствѣ. Сблизить эти абстрактное съ конкретнымъ между собою, эти предѣлы, и составляетъ задачу книгодѣльнаго искусства или техники письменности. Исторія показываетъ намъ, какъ постепенно они сблизались. Связующее ихъ звено дѣлается все меньше и изящнѣе, не теряя прочности; оно все сокращается отъ каменныхъ скрижалей древности до бумажныхъ листиковъ настоящаго. Быть можетъ,

настанетъ когда-нибудь время, когда звено это сократится чуть не до нуля, то-есть сама книга изведется на нѣтъ. Это кажется чудовищною фантазіею, но вспомните фотографію мысли, опыты которой уже были не такъ давно произведены и дали нѣкоторую, покамѣстъ еще довольно туманную надежду на успѣхъ въ будущемъ. Осуществивъ эта фотографія мысли—и тогда книги, даже объемистыя книги, замѣнятся легкими фотографическими пластинками. Вы подумайте только, какой это увѣсистый томъ выйдетъ, если записать послѣдовательно, безъ малѣйшихъ пропусковъ, мысль за мыслью въ теченіе двухъ-трехъ дней! Вы подумайте только, какое поразительное сокращеніе труда и времени для человѣчества произведетъ эта фотографія мысли! Тогда вся эта нынѣшняя

тяжелая, громоздкая, свинцовая артиллерія типографій безвозвратно будетъ сдана въ архивъ, если, разумѣется, она доживетъ до тѣхъ блаженныхъ, увы, еще далекихъ дней, что весьма сомнительно. Мы уже владѣемъ теперь чудеснымъ аппаратомъ, увѣковѣчивающимъ событія до мельчайшихъ подробностей — кинематографомъ. Вообразите себѣ такой кинематографъ мысли будущаго! Вообразите себѣ эту безконечную ленту свѣточувствительной бумаги, на которой отпечатываются ваши мысли, даже самыя сокровенныя, во всей ихъ послѣдовательности! При наличности такого изобрѣтенія исчезаетъ всякая необходимость записывать, набирать, печатать. Мелькнула мысль, и она уже увѣковѣчена, она сдѣлалась общимъ достояніемъ. Изъ этого можно заключить о той высокой степени строгой нравственности, какую вызоветъ будущая фотографія мысли!

«Это убьетъ то», говоритъ Клодъ Фролло въ извѣстномъ романѣ Виктора Гюго, указывая сначала на книгу, а затѣмъ — на величественный готическій соборъ Notre-Dame, и эту мысль талантливый французскій романистъ развиваетъ въ цѣлой главѣ, одной изъ остроумнѣйшихъ и гениальныхъ страницъ его твореній: онъ показываетъ намъ постепенный упадокъ архитектурнаго творчества и параллельно съ этимъ прогрессъ типографскаго искусства, онъ приводитъ въ связь эти два явленія, указываетъ на то, что творческія способности человѣческаго ума, ярко выражавшіяся прежде въ созданіи каменныхъ громадъ, полныхъ гармоніи и красоты, обратились теперь въ другую область дѣятельности — къ книгопечатанію, заботясь о красотѣ книгъ. «Это убьетъ то!» Если книга убила архитектуру, то не найдется ли чего-нибудь такого, что, въ свою очередь, убило бы книгу?.. Трудно покажетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но, внимательно обозрѣвая всѣ явленія нынѣшней культуры, нельзя не остановиться на одномъ изъ нихъ, весьма замѣтномъ, именно на поразительныхъ успѣхахъ фотографіи, уже открывающей въ безднахъ небесъ такія свѣтила, которыя никакому человѣческому глазу, вооруженному самымъ сильнымъ рефракто-ромъ, не доступны. Не сегодня — завтра человѣчество овладѣетъ секретомъ цвѣтной фотографіи, и это открытіе сильно подорветъ живопись, особенно современную про-

токольную живопись. Фотографія передаетъ вѣчности все, и восхитительные пейзажи, и народныя толпы, и картины художниковъ, передаетъ событія, лица и предметы съ неподражаемою точностью, запечатлѣваетъ черки, страницы рукописей, книгъ. Послѣдніе дни подарили фотографіею невидимаго, столько шумѣвшеею фотографіею X-лучей. Фотографіи открываются обширнѣйшее поле блестящей будущности. Помимо копирования натуральныхъ цвѣтвъ предметовъ, фотографію ожидаетъ еще другое, весьма важное усовершенствованіе — скорое, одновременное умноженіе снимковъ, ускореніе печатанія позитивовъ. Когда послѣдняя задача будетъ рѣшена вполне успѣшно, что помѣшаетъ тогда повторенію изданій уже существующихъ книгъ путемъ фотографіи? И теперь можно сфотографировать любую книгу отъ первой до послѣдней страницы, а разъ умноженіе позитивовъ сдѣлается легкимъ, скорымъ дѣломъ, то мы будемъ имѣть сфотографированныя книги, а вмѣсто шумныхъ машинныхъ отдѣленій типографій — тихія лабораторіи свѣтописи. Къ фотографированію, навѣрное, примѣнятъ электричество: существуетъ вѣдь у насъ уже Рентгеновская фотографія.

Предрѣшать будущее — очень рискованно. Весьма назидательнымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующій примѣръ. Сравнительно недавно, въ 1842 году, извѣстный философъ Контъ въ своемъ «Курсѣ позитивной философіи» заявлялъ съ апломбомъ, достойнымъ лучшей участи: «Мы можемъ надѣяться, что будемъ въ состояніи опредѣлить форму, разстоянія, величину и движеніе небесныхъ свѣтилъ, но никогда и ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ въ состояніи изучить ихъ химическаго состава или минералогическаго строенія.» А теперь, полюбуйтесь, спектральный анализъ раскрылъ и не перестаетъ раскрывать тайны великихъ міровъ именно въ химическомъ отношеніи; благодаря ему, мы знаемъ не мало интересныхъ подробностей о составѣ солнца, атмосферѣ планетъ, о звѣздныхъ туманностяхъ, даже о движеніяхъ звѣздъ, знаемъ вообще много такого, чего и не снилось Контю.

«Это убьетъ то!» Неизвѣстно — что убьетъ книгу. Но какимъ бы видоизмѣненіемъ она ни подверглась, въ какомъ бы видѣ она ни предстала будущимъ поколѣніямъ, — она никогда не лишится своего выдающагося зна-

ченія въ человѣческой цивилизаціи, она Байрона. Умовъ или душъ нашихъ невѣдо-
 всегда сохранить свою глубокую суть. И до мыхъ далекихъ потомковъ коснется и ме-
 отдаленнѣйшихъ дней,
 скрытыхъ въ непро-
 ницаемой мглѣ гряду-
 щихъ лѣтъ, дойдутъ въ
 первоначальномъ видѣ
 какъ священныя сло-
 ва пророковъ древно-
 сти, такъ и глубокія
 откровенія ученыхъ,
 дойдутъ во всей своей
 прелести и гекзаметры
 Гомера, и оды Ана-
 креона, и одѣтые въ
 звучныя рифмы вздохи

ланхоличная прелест-
 ная проза Альфонса
 Додэ, и роковыя стра-
 сти героевъ Зола, и
 юморъ Диккенса, и за-
 душевныя, полныя про-
 стоты и граціи повѣ-
 ствованія Тургенева.
 Безсмертное останется
 бессмертнымъ. Это сдѣ-
 лаетъ книга, въ какую
 бы внѣшность она ни
 была облечена прогрес-
 сирующею техникою.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ажимов Ф.Е. 53
Алексеев А.Ю. 46
Аллахвердов В.М. 33
Амелин Г. 32
Анненский И.Ф. 61
Анохин К.В. 7, 18, 19, 21, 24, 27, 28, 31–33, 39, 40, 42, 44, 46, 52, 56–59, 61
Анохин П.К. 59, 61
Арановский М.Г. 30, 33, 62, 63
Аристотель 16
Асмус В.Ф. 58, 61
Бассетт Д. 40
Безлепкин Е.А. 46
Беленецкая О. 24
Бергсон А. 57
Берестова Т.Ф. 32, 60
Бертолеро М. 40
Булгаков М.А. 22, 24
Вакенродер В.-Г. 29, 33
Витгенштейн Л. 33
Волкова Н.А. 64
Вулф М. 34–36, 39, 40
Выготский Л.С. 11
Гаврилина Е.А. 24
Галилей Г. 13
Галисон П. 46
Гете И.-В. 23, 25, 59, 61
Гирнык А.В. 24
Гречихин А.А. 15
Грибоедов А.С. 16
Гутенберг И. 22, 32, 60
Дамасио А. 24
Девяткин Д.А. 24
Дибдин Т.Ф. 16
Дрогалина Ж.А. 63
Дубровский Д.И. 33
Ефимов А.Р. 39, 40
Заварзин Г.А. 16
Зайкова А.С. 46
Зейдль А. 33
Зиновьев А.А. 32, 61
Зинченко В.П. 11, 15, 16, 20, 24, 56, 60
Иваницкий А.М. 36–38, 40, 46, 61
К.Р. 36, 37
Казаков Г.А. 39
Касавина Н.А. 24
Касаткина Н. 25, 61
Климанов Л.Г. 16
Князева Е.Н. 23
Коновалов А.Н. 39, 40
Конрад Н.И. 38, 40
Конт О. 64
Корбаллис М. 9
Кронсберг А. 36, 37
Кузнецов В.Г. 46
Кузнецова Ю.М. 24
Куфаев М.Н. 9, 15, 64, 65
Кушнер А.С. 12, 16
Лекторский В.А. 40
Леонов В.П. 7, 15, 16, 24, 25, 32, 33, 47, 54, 60, 61
Леонтьев А.Н. 11, 16
Лозинский М. 36, 38
Лосев А.Ф. 30, 33

- Лысак И.В. 47, 53
Лютов С.Н. 60
Мальябекки А. 14
Мамардашвили М.К. 42, 46
Мангуэль А. 22, 24
Мандельштам О.Э. 5, 12, 16
Мартыненко Н.П. 33
Матвеев Ф.М. 39, 40
Маяцкий М. 53
Михайлов А.В. 31, 33
Моргенштерн И.Г. 16
Моцарт В.А. 29, 31
Налимов В.В. 63
Нещерет М.Ю. 24
Новоселов К.С. 39, 40
Орбели Л.А. 24
Павлов И.П. 27, 32, 39, 40
Пастернак Б.Л. 36
Петров М.Т. 16
Пильщиков И. 49, 53
Пиотровский Л.Б. 60
Пирс Ч.С. 43, 44
Пономарев Я.А. 33
Пруст М. 27, 34, 39
Пушкин А.С. 12, 14, 33
Пятигорский А.М. 32, 42, 46
Радлова А.Д. 36, 37
Розов М.А. 32, 60
Рубакин Н.А. 11, 16
Рушанин В.Я. 32, 60
Савельев А.В. 46
Смирнов С.К. 39, 40
Соколов А.В. 50, 53
Соловьев Н.А. 46
Столяров Ю.Н. 32, 60
Тагард П. 43, 46
Таллер М. 53
Таштемиров М.М. 40
Теплов Б.М. 11, 16
Толстой Л.Н. 64
Тургаев А.С. 53
Уилсон С. 12, 13, 16
Уткин Б.Т. 16
Федоров Н.Ф. 14
Фёдорова О.В. 47, 53, 61
Фейнман Р. 55
Цвейг С. 14, 16
Черниговская Т.В. 24, 33, 46, 61
Чистяков Г. 30, 33
Чумаков В. 24, 32, 61
Швырков В.Б. 33
Шекспир В. 36, 37
Шкловский В.Б. 21, 24
Шрайберг Я.Л. 51, 53
Юнг К.Г. 11, 15
Яновская Е.А. 46
Barker N. 16
Corballis M.C. 15
Feynman R.P. 60
Frodeman R. 53
Gerits A. 16
Getty P. 16
Jackson H. 17
Jakobs E.-M. 25
Kraus H.P. 17
Lehnen K. 25
Levinas E. 15
Markham S. 17
Mitcham C. 53
Rothkopf C.Z. 17
Stoddard R.E. 17
Thompson K.J. 53
Wissmann S. 17

Научное издание

Леонов Валерий Павлович

НЕЙРОКНИГОВЕДЕНИЕ:
ОПЫТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинал-макет *Л.К. Соколовой*
Технический редактор *М.Д. Савченко*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 01.02.2023
Формат 70 × 108 1/16
Тираж 300 (1-й завод – 100 экз.)
Усл. печ. л. 5 (128 тыс. зн.). Заказ № 10

Отпечатано в ОПП БАН
199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1